

ТОНИ БРАНТО

**ВОЛЧЬЕ
КЛАДБИЩЕ**

НИ ОДИН РЕЖИССЕР НЕ ПОСТАВИТ ТАКОЙ ФИНАЛ, КАКОЙ ПРИГОТОВИЛ СВОЕЙ ЖЕРТВЕ УБИЙЦА

Детектив с трогательным финалом

Тони Бранто

Волчье кладбище

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бранто Т.

Волчье кладбище / Т. Бранто — «Эксмо», 2022 — (Детектив с трогательным финалом)

ISBN 978-5-04-196653-9

«Золотая молодежь» частного английского университета облюбовала Волчье кладбище для своих утех. Тут можно свободно курить, выпивать, соблазнять местных простушек. Заводилой веселой компании по праву считается сын проректора — Тео, которому сходит с рук любая шалость. И в студенческой театральной постановке Тео — на первых ролях. Ему предстоит сыграть Святого Себастьяна, по преданию пронзенного стрелами на кресте. Никто и не подозревает, что эта роль окажется для парня пророческой... Проходя однажды вечером через кладбище, сокурсники Тео Адам и его брат Макс внезапно услышали душераздирающий крик и увидели молодого повесу распятым на кресте. Предположение, что это месть родителей кого-то из оскорбленных девушек, не находит подтверждения. Тогда кто же убил сына проректора? Адам и Макс начинают собственное расследование и узнают правду... на краю опасного крутого обрыва... Роман в лучших традициях классического английского детектива. Кровавая расправа на старом кладбище потрясла город. Но никто не знал, что стояло за этой новой Голгофой на самом деле...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-196653-9

© Бранто Т., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	38
Глава 8	41
Глава 9	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Тони Бранто

Волчье кладбище

© Бранто Т., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Моему дорогому, чуткому, любимому лучшему другу – Антону

Глава 1

Лес и его обитатели

В горящих латуню ажурных кронах пели птицы, откуда-то доносились истерические вскрики, словно неподалёку находилась пыточная комната. Человеческие вопли на фоне щебета зарянки с крапивником звучали нелепо и кошунственно, как похоронный марш Шопена на свадьбе.

Я могу проспять и до обеда, если не разбудят. До одиннадцати могу точно. А эти вопли начались едва рассвело, они ещё не стали словами, но уже портили очарование свежего утра. Ковёр сырой зелени и почвы студил разогретое хмелем тело, и пробуждалось мне долго и неохотно. Вчерашняя усталость бесследно исчезла, будто бы просочилась через лопатки куда-то в материнскую породу, а земля словно напоила взамен своей энергией. Но как только я открыл глаза, деревья – толпа стройных великанов – завели хоровод. Вдобавок мучила сухость во рту и желудок отзывался голодным рыком.

Посторонний гам, сложившись из отдельных воплей в чью-то ругань, поменял своё направление, теперь он доносился не от здания университета, а со стороны обветшалой церкви, куда мои ноги как раз указывали. Я приподнял голову – довольно резко – проверить обстановку. Глаза уже привыкли, но голову не стоило так дёргать. Поборов боль, я стал прислушиваться. Что за базар там устроили? Стая тетеревов токовала бы гармоничнее. Паразиты!

Я устроил голову обратно в смятую влажную траву и сделал глубокий вдох, затем долгий выдох, пока лёгкие не опустели, и в таком состоянии задержал дыхание. Около минуты я лежал, очищаясь, наблюдая кленовые макушки и как их обволакивал туман, приглушая утренний свет, а когда наконец вдохнул, кровь теплом разлилась по рукам и ногам, приятно ударила в голову.

Поражаюсь, как место, наречённое Волчьим кладбищем, может не просто источать жизненную силу, а казаться наипрекраснейшим в целом свете. Прежде, по легендам, в этом лесу обитали волки-оборотни, которые нападали на людей и скот в окрестных деревнях. Говорят, многие и теперь натыкались на кости жертв. Как начинающий историк, я должен бы отбросить тревожные небылицы и предположить, что на этом месте, вероятнее всего, было древнее поселение племени, чьим тотемным животным был волк, а отзвуки памяти давнего прошлого уже послужили рождению легенд.

Ну да, должен бы. Только я не любитель развесистой клюквы. Тумана в лесу и без неё хватает. И вообще, мне ли не знать правды?

Лес разделяет деревню с университетом, и не удивлюсь, если он ещё до коронации Виктории служил местом встреч студентов с деревенскими юными особами. Итог этих свиданий, как в итонском пристенке¹, – всегда был предопределён. Но стремление выскочить замуж за отпрыска богатого сквайра не угасло и по сей день. Это викторианские студюзусы прозвали лес Волчьим кладбищем. Волчьим, потому что в Древнем Риме волчицами звали падших женщин, а студенты Роданфорда никак латынь изучают. «Кладбище» уже потом родилось. Восемнадцатилетние Мефистофели заманивали глупышек в лес конфетами из воздуха. С восходом их коварный обман вскрывался, и девичьи души гибли вновь и вновь. Опера да и только.

А ещё говорят, в цинизме никакой романтики.

Собравшись, я приподнялся на локтях. То, что открылось взору, меня вполне устроило. Шекспир сказал бы: «Он на полу и пьян от слёз»², – и горько бы ошибся. Земляное ложе моё

---

¹ Итонский пристенок (англ. *Eton wall game*) – традиционная игра с мячом, проводящаяся в Итонском колледже, похожа на регби и футбол.

² Цитата из трагедии «Ромео и Джульетта» У. Шекспира.

теплее, чем камень под коленями Ромео, а хмель во мне – самый будничный. И сочувствия сердец у нас нет. Я даже имени – её имени – не помню, моё, слава богу, всегда при мне. Даже лица – сейчас его полностью скрывали волосы, длинные, почти как у богини Сиф, но не золотые, а смоляные, как у меня самого. Маленькая ведьмочка. Свернулась в клубок, греясь ладонями и левой щекой о мой живот.

Вот опять, со стороны церкви. Как будто правый и левый клиросы затеяли состязание, кто кого перебранит. Уже в тот миг я понимал: это за нами. Ну и что с того? Я опустил руку в карман, достал сигареты и спички, закурил. Завтракать, подсказывал рассудок, мы сегодня будем без всякого удовольствия.

Слева из-за небольшого усыпанного синеглазым анемоном взгорка лениво поднялась и замаячила в потягивании чья-то фигура. Это Питер, во всей своей красе. Его взгляд был так же устремлён в сторону церкви.

– Похоже, Дарт подсуетился, – сказал он.

Последовал долгий зевок.

– Похоже на то.

– Есть ещё?

Я вновь достал пачку. Питер бодрой рысцой протрусил через вершину холма, взял сигарету.

– Кто она?

– Понятия не имею, – честно сказал я.

– Красивая.

– Ага. Очень.

– Как зовут?

– Джульетта, – сказал я.

– А красиво зовут.

– Ага.

Питер поставил одну ногу на камень, затянулся и произнёс, пуская дым:

– Макс! Ах, это имя – гибель для неё³...

– Она его не помнит, – перебил я.

Питер покачал головой. Затем склонился над Джульеттой и громко вдохнул раздувшись, как у лошади, ноздрями. Я нахмурился.

– Иди к чёрту, приятель! Нечего тут нюхать.

– На хмель непохоже... Помнит она тебя. Ещё с мамой познакомит. – Питер снова вдохнул. – Бычий член⁴, конфеты!

– Иди ты!

– Полипы у тебя, что ли? Сам понюхай!

Я склонился над Джульеттой и потянул носом. Приторно пахло ванилью, словно в кондитерской.

– Повезло. Молочный кипень. Мне достался Erasmic⁵.

– Она бреется? – ухмыльнулся я.

– Как пить дать, у отца одолжила. Непохожа на дорогую штучку. Думаю, на мыло талонов не хватает⁶.

Я мрачно кивнул.

– Что будем делать? – спросил Питер.

---

³ Цитата из трагедии «Ромео и Джульетта» У. Шекспира.

⁴ Брань, которую использовал Фальстаф, герой пьесы У. Шекспира «Генрих IV».

⁵ Британская марка мужского мыла для бритья.

⁶ После Второй мировой войны (1939–1945 гг.) в Великобритании до июля 1954 года сохранялась карточная система.

– Будить.

Мы докурили и потушили окурки о землю. Питер помчался за бугор к своей спящей красавице. Голоса приближались. Я дотянулся до смятой рубахи. Как только пальцы не досчитались пуговицы на груди, с моего языка слетело горькое проклятие. Невезуха!

Я осторожным движением убрал волосы с лица моей нимфы. Великолепна... почти. Как всегда, чего-то пилигриму моему не хватало. Хотя и кожа бледна, и овал прекрасен, и бутон шиповника её губ – розовее не встречал... Чтоб меня!

– Бычий член! Подъём!

Возглас глашатая Питера прозвучал с холма. На его призыв, как зомби, восстали вокруг лесные твари. Из травы, из-за деревьев, земных горбов и камней, приходя в чувство, народ выползал, как растерянные оборотни в туманной чаще.

– Нас засекли!

Поднялся визг. Барышни, кто в чём, повыскакивали и похватили свои тряпки. Как испуганные лани, знающие лазы из чащоб, они небольшим верещащим стадом бросились в сторону деревни. Вслед им полетели свист и пара скабрёзных окриков.

Моя Джульетта просыпаться не хотела, и я посадил её с собой рядом. Голова её тут же прильнула к моей груди. Я аккуратно коснулся ладонью тёплой щеки и приподнял её подбородок. Она открыла глаза, и суровая моя выдержка вмиг пошатнулась.

– Макс Гарфилд, – сказала она уверенно, пока я решал, что делать с только что поразившей меня мыслью.

Через секунду-две, когда отпустило, я сказал:

– Светильник ночи сгорел дотла⁷.

– Ты прогоняешь меня? – прозвучало растерянно.

– Я – нет. А они – да.

Джульетта удивлённо глянула в сторону церкви, откуда уже ясно доносились порицания оскорблённых душ. Саму церковь мы не видели – туман застлал всё вокруг, будто не деревья, а вулканы окружили нас, надышав дымом из фумарол⁸.

– Ты можешь пойти со мной к нам на завтрак, мама будет рада, – сказала мне наяда. – До занятий успеешь.

– Твоя мама меня возненавидит, – сделал я печальное лицо.

Она привстала, оправила подол лёгкого ситцевого платья цвета электрик и смахнула с него клочок травы.

– Если не причешешь лохмы.

С быстротой ласточки она сорвала с моей щеки прилипший лист клёна, за ночь присохший к коже. От внезапной боли я прошипел сквозь зубы. Она хихикнула и залепила по больному месту пощёчину.

– Так быстрее пройдёт. Клин клином.

Я кивнул. Тем более я это заслужил.

– Привет маме!

Надеюсь, не услышала...

Росные травы всколыхнулись. Лесной туман жадно проглотил девичий силуэт. Питер, как вперёдсмотрящий, продолжал наслаждаться видами со своего «вороньего гнезда». Он пританцовывал и напевал какой-то пошлый мотив. У взгорка, по-мальчишечьи сдабривая истощным смехом свои небылицы о проведённой ночи, стояли Тео с Гарри, к ним с разных направлений ползли Робин и Джо.

Я подтянулся последним.

---

⁷ Цитата из трагедии «Ромео и Джульетта» У. Шекспира.

⁸ Фумарола – трещина, отверстие в склоне или кратере вулкана, источник горячих газов.

– Ты реально так и сказал ей – «у тебя корзинка выпадает»?

Истеричные взрывы смеха летели из пасти Тео вместе со слюной и мерзким запахом.

Гарри – на две головы выше каждого из нас – довольно скалился.

– Я что, говорю, впервые за орхидеями наведываюсь? – сказал он басом. – А она мне – война, мол, мобилизация, тяжёлая работа... А я ей – да просто тебе на десяток годков больше, а то и на два. Рассказываешь мне тут!

– Твою ж мать, от неё несло ещё на танцах. – Тео глянул в мою сторону, но не найдя в моём лице поддержки, убрал широченную улыбку. – Гарфилд, у тебя ещё остались?

Я достал сигареты, хотя мог и придержать. Тео – редкостный геморрой.

– И мне давай, – сказал Гарри.

– За Тео дососёшь. – Я чиркнул спичкой.

Гарри не стал возражать. Такая честь выпала – взять в рот обслюнявленный проректорским сыном окурочок.

С высоты взгорка послышался свист на вступительный мотив Симфонии номер пять Бетховена. Мы взглянули на Питера и тут же услышали скрип ботинок по влажной зелени. Из дымчатой завесы к нам вышли три мрачных силуэта.

– Ave, Caesar, morituri te salutant⁹, – произнёс негромко Робин.

Тишина повисла, от неё так давило и гудело в головном кочане, что хотелось уже быстрее со всем этим покончить.

Тео выпятил подбородок:

– Где наш завтрак?

Его тон был привычным – хамским. Не потому, что ни мы, его сверстники, ни девушки с танцев, ни его собственный отец и проректор университета Милек Кочински, стоявший в эту минуту перед ним, не были достойны хоть малой толики уважения. Тео просто не мог быть кем-то, кроме самого себя – конченого выродка, испражнявшегося на весь мир. Когда он играл Ромео в роданфордской постановке, он играл конченого выродка Ромео; в «Макбете» от его героя с души воротило ещё до убийства короля.

Невысокая полноватая фигура Милека Кочински – он стоял посередине – выдвинулась вперёд. Обведя каждого тяжёлым взглядом, Кочински заявил:

– Жду вас в главной аудитории через пятнадцать минут.

Высокий угрюмый силуэт справа, принадлежавший руководителю нашего факультета мистеру Дарту, обрёл голос:

– Моего кабинета вполне хватит, сэр.

– Нет. Не вполне. Я хочу собрать всех молокососов, – повернулся к нему Кочински. – И левое крыло зовите.

– Так ведь ещё...

– Чёрт возьми, Дарт, делайте, что я сказал! Поднимите этих лодырей и притащите каждого!

– Слушаюсь, сэр.

Пока Дарт с собачьей преданностью получал тумаки от начальства, я взглянул на третьего человека. Отец Лерри, подумал я, в своём подряснике и с птичьим лицом здорово походит на измождённого ястреба, рыщущего в поисках пищи. Если бы я не был атеистом, к этому типу я бы свой зад раскаиваться не притащил.

Несложно было догадаться, для чего Кочински ходил за священником. В начале первого семестра отец Лерри уже промывал скрупулёзно наши мозги своими еkkлезиастическими

---

⁹ «Здравствуй, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя» (лат.) – традиционное обращение римских гладиаторов к императору перед боем.

откровениями. Как мантру, мы должны были помнить о великом избранничестве и о том, что мы каким-то божеством целованы.

Должны были, но никто не помнил ни слова. В отличие от него, мы-то прекрасно знали, что не божество, а отцы платили за наше частное обучение. И хорошо платили. Откровенно говоря, столько, что за эти деньги бордель нам полагался прямо в здании университета, где-нибудь между столовой и кабинетом биологии. Чтобы не изнурять воздержанием наши молодые организмы. Даже в войну, рассказывал отец, батальону выдавали презервативы – по два в неделю на каждого бойца.

– А говорили, не попадёмся, – сказал Джо, когда чёрный триумвират двинулся прочь.

Тео сверкнул глазами.

– Иди проплачься! – сплюнул он, отшвырнув недокуренную сигарету на сырую землю. – За мной!

Его верный громила Гарри глянул на окурок с досадой. Гарри уродлив до боли в глазах. Рондо Хэттон¹⁰, уверен, и тот был красивее. Но прыщи, огромная челюсть верзилы, узкий лоб и острая макушка на лысеющей в восемнадцать лет голове – ничто по сравнению с тем, как разило от этого субъекта.

Однажды декабрьской ночью мы прокрались в комнату Тео и Гарри. Те были в отключке благодаря Питеру и снотворному, которое он стащил из медпункта и обманным манёвром подсыпал им во время ужина. Вчетвером мы вынесли огромную тушу Гарри в коридор, дотащили до душевой и уложили на холодный кафель. Вылили на тело два флакона мыла Саго, баночная этикетка обещала подарить свежесть семи морей. Оттёрли его щётками для обуви и обдали горячей водой. Восставший из сна и тропической пенной свежести, Гарри пообещал раздеваться с нами и свернуть наши поганые шеи. Зато весь следующий день мы наслаждались свежестью семи морей. Она щекотала ноздри всех без исключения в аудитории. Над проделкой смеялся даже Тео, а его смеху Гарри препятствовать не осмеливался, и шеи наши поганые остались целыми.

---

¹⁰ Американский киноактёр и журналист (1894–1946). Заболевание акромегалия, проявившееся в зрелом возрасте, изуродовало его лицо, из-за чего он получил прозвище «самый уродливый киноактёр».

Глава 2

Парфянская стрела

Пока в главной аудитории нарастал галдёж, мы с Питером сидели в последнем ряду и обсуждали, какой захват в регби менее травматичен и более продуктивен – верхний или средний. С нижним всё понятно – в нас обоих по шести футов росту, поэтому нижний нам не удавался.

– Важен вес, – настаивал Питер. – Сто пятьдесят пять фунтов – идеально для среднего. И мало для верхнего.

– Теоретически – да, – сказал я. – Но при наличии воли к победе вес можно заменить скоростью.

– Всё равно, проблема в реальности – слишком большой разброс по весу. Мы почему с тобой укладываем друг друга и верхним, и средним – мы одинаковой комплекции. А возьми хрюшку Мэтью – его же только нижним!

Я мрачно кивнул:

– Тому проще капкан выставить.

Питер рассмеялся. Спелая рожь, спадавшая с его головы, здорово перекликалась с утренними солнечными лучами. Этот свет через исполинские витражные окна наполнил залу майским золотом.

Мы с Питером играем на позициях столбов¹¹. Питер – левый открытый, я – правый закрытый. Ирония жизни в том, что даже вне регби Питер – открытый, а я – закрытый. Он – лучезарный парень с красивой улыбкой. Вдобавок талантливый актёр; у него – заслуженное право первой руки в выборе себе ролей. Разумеется, в очереди после Тео.

Что до меня, я – как запертая красивая дубовая дверь в мрачном коридоре. Всех привлекает, но ключ подобрать ни у кого не выходит. Я сам не открывал её лет десять. Да и затея, в общем, заранее провальная – ключ я давно посеял, кажется, как раз когда война началась. Что-то во мне тогда сломалось. Как будто не по той дороге пошёл, и дальше только мрачнее и мрачнее. Эффект снежного кома.

Я ухмыльнулся, заведя входящего Мэтью. Его, как и остальных, вытащили из койки. Зрелище то ещё: красные, налитые, как помидоры, щёки подпирали круглые очки, рыжие волосы смяты в плохо пропечённый пудинг, ночная сорочка задралась на толстом пузе, её без конца и тщетно оправляли отёкшие рыхлые ручки. Натуральный Билли Бантер¹².

Мэтью прошёл вперёд к зубрилам из левого крыла. Казалось, его сейчас одышка одолеет (вначале – спуск со второго этажа в тридцать три ступени, затем длинный коридор, да ещё люцифер Дарт подгоняет), и он разляжется на столе, как это обычно у него происходит по дороге из раздевалки до зрительской скамьи.

В середине аудитории расположился пуп земли Тео, его свита опустилась рядом. Показался Дарт и с ним последняя партия баранов. Наконец, двери в загон были закрыты, сие пафосное действие произвёл сам Милек Кочински. Отец Лерри и Дарт среди прочих преподавателей расположились позади кафедры. Питер украдкой указал на колени Дарта – они сомкнулись с девичьей стыдливостью. Мы оба негромко посмеялись.

Кочински прошёлся глазами по головам присутствующих. Вроде бы количество его устроило.

Сидевший перед нами Джо обернулся.

---

¹¹ В регби игроки первой линии нападающих.

¹² Вымышленный школьник-антигерой, созданный английским писателем Чарльзом Гамильтоном (1876–1961).

– Нас отчислят? – тревожно спросил он.

Мы с Питером ухмыльнулись.

– Это вряд ли. Коней с золотыми шарами на переправе не меняют, – обрисовал положение дел Питер.

– Не знаю. Экзамены скоро. Могут не допустить.

Я с сожалением взглянул на продолговатое нетронутое земными радостями лицо Джо. Этот тип с торчащим из башки тёмным ёжиком и сильным сассекским акцентом не отличался уверенностью ни в регби – ни одного типично вингерского¹³ синяка на теле, – ни в планах на будущее. Я слышал, что его отец – из лидеров партии консерваторов. Уныние, одним словом.

Впервые за год учёбы вчера нам с Питером удалось вытащить Джо на танцы. Решили делать из него человека. Приготовили ему заранее подружку. Что он с ней будет делать, думали мы, не наши проблемы. Нас до жути раздражала робость Джо, и мы просто хотели дать ему шанс. Кстати, надо будет поинтересоваться, чем дело-то у них кончилось с барышней. Парень, в общем, славный, но как ни взглянешь – сплошной тростник на ветру, сидит себе в пепле между табуретами¹⁴, носа не высунет. В одном не откажешь – бегал хорошо. Оттого сразу попал в вингеры.

Я даже не заметил, как Кочински приступил к ораторству. Общая лабуда: о престиже университета, об угрозе срыва грантов и прочих финансирований со стороны главы региона, о подрыве репутации всех – его, Кочински, его отца и деда, и деда его деда, и деда прадеда, построившего и открывшего Роданфорд триста или четыреста, или тысячу лет тому назад. А ещё – преподавателей, других студентов, прочих работников, уборщика Секвойи, лесника и его собаки и всего графства, в конце-то концов. Там и до короля недалеко.

Мы перешёптывались, вполуха внимая сыпавшимся словам. На аудиторию помаленьку накатывал баюкающий гомон. Милек Кочински возглавил ректорат только в прошлом году, когда у его отца случился инсульт, но уже успел заработать среди учащихся и преподавателей репутацию рохли. Даже мы, первокурсники, не воспринимали его всерьёз. Особенно не воспринимал его собственный сын, но оно и понятно было. Род Кочински веками передавал следующему поколению место у штурвала, и Тео – следующий после Милека – этим страшно кичился. Удивительно, но ни разу главой Роданфорда не становилась женщина.

При умирающем, но ещё официально действующем ректоре-отце Милек Кочински пребывал на своей должности, как меж двух огней. Он нёс ответственность за положение в университете, но серьёзных решений не имел права принимать. Мы были наслышаны о его отцетирани и его деспотических методах воспитания. Задница начинает болеть от одной только мысли...

Нам повезло. Наш Джон Кит¹⁵ оказался слабаком. Я даже помню пассаж из учебника по психологии – кто-то из парней меня в него ткнул, – яснее ясного разъяснявший типаж Милека Кочински. Там утверждалось, что подобным типам со слабой психикой, выдвинутым на ответственные должности, свойственно поведение, которое у собак называют трусливо-агрессивным, а у людей – защитной агрессией. Они боятся любой критики в свой адрес или неподчинения и в ответ демонстрируют властность и агрессию. Что-то вроде «не смей царапать мой постамент». С теми же, кто обладает большей властью, они покорны и уступчивы. Но на чрезмерное давление в силу неустойчивости психики могут ответить взрывом.

Завладев такой ценной информацией где-то к Рождеству, мы распоясались, стали давить, но в меру. Взрыва ещё ни разу не случилось.

---

¹³ Вингер – крайний защитник в регби.

¹⁴ Сидеть в пепле между табуретами – быть слишком нерешительным (старинная фламандская поговорка).

¹⁵ Бывший директор Итонского колледжа (1773–1852).

Когда неумолчные потоки нравоучений были прерваны желанием Кочински глотнуть воды, Мэтью с первого ряда издал удивлённый взвизг:

– А что мы сделали?

По залу прошёл звонкий хохот.

Дарт подскочил:

– *Silentium*¹⁶!

Но униматься никто и не думал. Действительно ведь смешно. Настолько, что Тео снял ботинок и запустил им по слипшейся каше волос вопрошавшего. Точное попадание. У хрюшки на плечи метелью посыпалась перхоть. Отшвырнув ботинок в сторону кафедры, Мэтью развернулся и подскочил. Жалкая была сцена, хотелось даже заступиться, но было бы глупо и для Мэтью ещё более унизительно.

– Чей это ботинок? – голос его старался звучать грозно, но вышло вновь визгливо, пороссячи.

– Твоей мамы, – парировал Тео.

Вновь гогот. Оскорблённый в одночасье кинулся перелезть через столы, а жаждущие мордобоя принялись скандировать хрюшино имя. Всех пробило на смех, когда поросёнок, потеряв силы уже на втором препятствии, застрял и остался барахтаться на пузе.

Положение омрачилось внезапной одышкой и резко обрушившейся тишиной, когда перед Мэтью во весь свой огромный рост встал Гарри. Ноги Тео в этот момент – одна разутая, другая в ботинке – расслабленно лежали на столе.

– За вторым лезешь? На твои копыта не по размеру. Могу предложить свои – запах натуральной кожи! – угрожающе протянул Гарри.

Всем было понятно, ботинки Гарри – худшее в жизни предложение. Казалось, Мэтью вот-вот лопнет; его щёки были пунцовыми, а из горла вырывался хрип.

Раздался внезапный сильный удар – отец Лерри стукнул ботинком Тео о кафедру.

– Прошу всех занять свои места, – негромко сказал он. – Я отниму немного времени.

Он положил ботинок рядом с потрёпанным томиком Библии и чуть погодя добавил:

– Чтобы понять смысл, что стоит за именем Иезавель¹⁷, не нужно много времени и много мозгов. Верно, Гарри?

Последовал хохот, и только Гарри не понял, при чём тут он.

Отец Лерри был не лишён юмора. Хотя я священников на дух не переношу, приставленному к нам святоше отдаю должное: он не втапывал нас в грязь, как это, к примеру, делал Дарт. Капал в уши помаленьку, да, но всегда оставался где-то посередине противостояния нашей студенческой братии и руководства университета как посредник или даже миротворец, утешающий, вразумляющий, наставляющий и всё понимающий.

Сейчас, впрочем, всё это нагоняло тоску. Мне до смерти хотелось спать. Я зевнул.

– Сердце Иезавель, – проникновенно продолжил священник, – было отравлено чёрной завистью. К тем, у кого был дом, к тем, у кого был сад и были вскопаны поля, у кого был друг, у кого был верный супруг, у кого были дети...

– Ну всё, крыша в приходе поехала, – хмыкнул Питер.

– Иезавель не могла иметь всего этого, ведь для того, чтобы быть счастливым, требуется открытое сердце. И тогда Иезавель решила, что будет причинять боль, что будет она сеять семена зла и наблюдать, как бесчестные её действия приносят свои отравленные плоды...

По рядам ходило гулкое перешёптывание вперемешку со смешками.

---

¹⁶ Тишина! (*лат.*).

¹⁷ В Библии жена израильского царя Ахава, ярая идолопоклонница. Имя Иезавели стало нарицательным для порочных женщин – гордых, властолюбивых и тщеславных, богоотступниц.

– ...и тогда в порочных целях своих принялась она использовать своё тело. Грязное, бесстыдное, бездушное, исполосованное внутренними шрамами, обезображенное безнравственными мыслями и желаниями...

...Чистое, бледное, в меру стыдливое соблазнительное тело Джульетты всплыло перед моими глазами. Я уже почти спал. Питер меня толкнул, мы переглянулись. Как спать, когда тут отец Лерри сокрушается по наши с Питером неблагочестивые души!

– ...видела она, как Велвл заглядывался на сад Кармита. И пришла она к Велвлу под покровом ночи, и принесла ему своё тело. Велвл поддался искушению, и, когда Иезавель покинула его ложе, она сказала: «Велвл, храбрый сын волка, ты ведь можешь получить этот сад. Ты обладал женой израильского царя Ахава целую ночь и теперь познал, как сладок запретный плод. Сад, что за окном твоего соседа, прекрасен. И ты можешь им обладать. Для этого тебе только нужно убить Кармита».

Велвл послушался Иезавели, и следующей ночью отправился он к соседу своему Кармиту и нанёс ему удар по голове мельничным жёрновом. Тело Кармита Велвл сбросил с горы, и не узнал никто, что убили Кармита. Посчитал судья так: пренебрёг Кармит осмотрительностью, гуляя ночными кручами и наблюдая обманчивые звёзды, оступился он и упал. Велвл получил прекрасный сад, о котором мечтал, а Иезавель получила то, что хотела, – наслаждение от содеянного греха...

– Вот дрянь! – саркастическим тоном прокомментировал Тео.

Зал вновь разразился смехом.

– Они будут ходить из деревни, юные Иезавели, на территорию Роданфорда, чтобы совращать тела и умы студентов, покуда знают они... – Отец Лерри запнулся и проглотил слюну. – Знают, как чисты ваши помыслы и как наивны ваши души.

– И как богаты наши отцы! – подбросил Тео.

Дикий хохот.

Милек Кочински был мертвецки бледен. Дарт привстал и пару раз хлопнул в ладоши, требуя тишины.

Отец Лерри не поднимал глаз от ботинка Тео. Он выждал момент, чтобы заговорить вновь:

– Верно, почтенный Теофил Кочински. Вам выпала особая честь находиться под крышей Роданфорда. Я уверен, что вы – все вы, молодые люди, – понимаете степень вашей ответственности. Равно как и степень вашей привилегированности.

Вопль с первых рядов вновь перебил священника:

– Да что мы сделали-то?

Интересовался один из «левых» ботаников, кто в лес не ходит. Они себе лес в штанах отращивают и никого, кроме самих себя, туда не впускают.

Дарт поднялся.

– Мы с вами поговорим отдельно, – сказал он первым рядам.

Отец Лерри, сокрушённо вздохнув, вновь уставился в библейские откровения.

– Представьте, что вы лично присутствуете на Тайной вечере, – сказал он. – Это довольно сложно, и мысль крамольная, даже слишком. Надеюсь, Господь простит её мне. Но если бы вам это удалось, возможно, вы смогли бы познать всю значимость своего пребывания в Роданфорде.

Он поднял глаза на молчавшие головы. Тишину предательски нарушало сиплое дыхание Мэтью.

Я был, мягко говоря, шокирован, хотя это слово ко мне мало применимо.

– И кто – Иисус? Ну у нас тут, на трапезе? – спросил Тео громко, так, что похоже, у преподавателей сжались внутренности.

Лерри не назвал Иисуса. Вместо этого он долго и страстно – его лицо напоминало закипающий чайник – читал заповеди о смирении и всепрощающей любви, однако же достойно выйти из положения ему не удалось.

Мой сосед по комнате как-то пытался научить меня играть в шахматы. Так вот, цугцванг, узнал я, это такая унижительная поза, которую ты пытаешься сменить, но любое твоё движение нагибает тебя ещё сильнее.

Отец Лерри сейчас в такой позе стоял, и стало ему хуже, когда Тео повторил вопрос. Он, конечно, провоцировал священника назвать Иисусом Милека Кочински. Чтобы прогиб местной церкви перед спонсором надолго запомнился и легендарный Тео вновь был у всех на устах.

Лерри сглотнул.

– Стригите овец, мистер Кочински, но шкуры не снимайте, – сказал он. – В каждом из нас Иисус. В вас – Теофиле, «любимце божьем»¹⁸ – в не меньшей степени. Будучи привилегированным, человек никогда не должен забывать об ответственности...

Тео встал, оборвав дальнейшее резонёрство, которое от волнения нашего преподобного начинало повторяться по кругу. Я не видел лица Тео, зато видел его отражение во взглядах преподавателей, обращённых к нам со сцены, в них читались безысходность и отчаяние.

– Простите, падре, – Тео залез на стол. – Иисус во мне вот-вот меня покинет. И воле его я не в силах противостоять.

Он согнулся в позу, с которой начинается схватка, и дал оглушительный залп во всю задницу. Нас затрясло, как во время извержения, а сидящих сзади снесло волной.

Кочински и Дарт подскочили. Аудитория захлёбывалась от смеха и возмущения.

– Откройте чёртовы окна!

– Бычий член! – взорвался Питер.

Тео выпрямился, произведя вздох облегчения.

– Парфянская стрела на все ваши заповеди, – блаженно улыбаясь, заметил он.

Отец Лерри отступил назад и сел на своё место, скрывшись за кафедрой от поднявшегося хаоса. Народ, повалив на пол стулья, ринулся прочь от центра, где в геройском смраде стоял Теофил Кочински.

Сквозь всю эту катавасию мой взгляд остановился на бледном лице проректора. Бедолага не знал, как поступить. Внезапно его глаза, метавшиеся по рядам, остановились на мне. Я рефлекторно напрягся.

Милек Кочински вскричал:

– Адам Карлсен! Где Адам Карлсен?!

---

¹⁸ Мужское имя Теофил в переводе с древнегреческого означает «любимец бога».

Глава 3

Защита монстра

По дороге к лестнице Милек Кочински хмурился, избегая моего взгляда.

– Сэр, клянусь коленкой своей, Адам никакого отношения к ночным шатаниям не имеет. Его нимб по ночам светит так, что не с первого раза уснёшь.

– Не выгораживай друга, Гарфилд!

– Сэр, Адам – теоретик, не практик. Понимаете?

При всей своей комплекции – невысоком росте и полноте – двигался Кочински довольно быстро и поспевал идти рядом со мной, не задыхаясь.

Мы стали взбираться по широкой дубовой лестнице, глянцево-коричневой, словно густо облитой шоколадной глазурью.

– Да он и белку не проведёт на территорию Роданфорда, если она не из здешних лесов.

Кочински не отвечал и только гневно задира подбородок. Мы добрались до пролёта, украшенного цветным мозаичным витражом, и расцвеченные им пёстрые лучи упали на наши лица и одежду. Лестница поворачивала на обе стороны. Кочински свернул вправо, в крыло, где была наша с Адамом комната.

– Сэр, взаправду, я...

– Не части, Гарфилд! Мой приказ был яснее некуда – явиться всем.

Я понимал, что нарываюсь на неприятности, но понимал и то, что раз Кочински не вызвал Адама в кабинет, а сам лично несётся в студенческую комнату, чтобы наказать нерадивца, то, верно, придумал какую-то ужасную казнь для него. И я пытался защитить друга.

– Он и не поймёт, чего вы от него хотите! – воскликнул я. – Он не знает ничего о сексе!

– Жить с тобой, Гарфилд, и не знать о сексе ничего... – Кочински метнул в меня грозный взгляд. – Некоторые считают курение не взятяг безвредным. А потом сами не понимают, от чего умерли так рано.

Проректор пошутил. «Может, всё ещё как-нибудь обойдётся?» – с надеждой подумал я. Через несколько ступеней он добавил:

– Это и твоего приятеля касается.

– А? О чём вы? – не понял я.

Милек Кочински остановился.

– О том, – повернулся он ко мне, жилка у него на виске заметно пульсировала, – что твой сосед опаснее любого из этих оболтусов.

– Адам? – Я ухмыльнулся и тут же поправил рожу: – Да у Адама самое открытое сердце и простая душа...

– В твоём дружке живёт монстр, – ошарашил меня Кочински.

Я наморщил лоб. Монстр?

– Чудовище, которому бы лучше не просыпаться по утрам...

Кочински двинулся дальше. Борясь с подступившей икотой, я в смятении поплёлся следом.

– Клянусь, Гарфилд, когда-нибудь твой дружок сведёт меня в могилу, – говорила со мной проректорская спина. – Он и дьявола к подушке привяжет¹⁹!

Возможно, дело в ксенофобии, решил я. Но абсурдность этой мысли тут же осозналась разумом. Род Кочински сам несколько веков назад был приезжим. Может, Милек Кочински не помнит, что по рождению он поляк? Зато я хорошо помню долгий недобрый взгляд его,

---

¹⁹ Быть способным привязать даже дьявола к подушке – неукротимое упрямство (старинная фламандская поговорка).

когда мы с Адамом на вступительные экзамены явились. Главе Роданфорда мы как-то сразу не по нутру пришлись.

Адам тогда предстал перед ним как настоящий гимназист: под мышкой стопка перевязанных верёвкой книжек, на плече – сумка, а в ней пара рубашек и пара запасных очков. На худом лице взгляд куда-то вниз и вкось и суровое какое-то смирение. Адам всегда выглядел так, словно уже знал то самое худшее, на которое вы способны, а главное – был готов к этому.

Родом он из Телевага²⁰, откуда его и ещё нескольких детей вывезли под покровом ночи перед началом гитлеровской оккупации Норвегии. Мой дед принял в свой дом на Шетландских островах, где я как раз во время войны обитал, троих пацанов и девчонку. Один, белобрысый, так и остался с нами. Родителей Адама арестовали, возможно, расстреляли. По крайней мере, за девять лет, минувших с той поры, мы ни разу о них не слышали.

Теперь мой отец платил за наше с Адамом обучение. Я вообще-то хотел лётчиком стать, но обстоятельства (честно говоря, отец) были против. Компромисс с отцом нашёлся в Роданфорде, элитном университете, где я – сам себе поражаюсь – уже второй семестр изучаю историю, культуру и языки цивилизаций Древней Греции и Рима.

Вообще, я строил себе карьеру в спорте, в частности в регби. Ну как строил. Просто играл, просто нравилось. Думал, так будет и впредь. К тому же моё тело *«с рождения заточено под выносливость»*, если цитировать школьного тренера, а он нормальным мужиком был, причин не доверять ему у меня не было.

Однако *«пока ещё не все мозги вышибли, нужно подавать документы в Эдинбургский университет»*, – категорически рубил сплеча отец при каждом случае, когда речь заходила о моём грядущем и непременно юридическом, как у него, образовании.

Я грозился, что украду самолёт, улечу и на землю не вернусь.

А Роданфорд, надо признать, оказался красавцем во многом. Пять дней в неделю мы играем в регби, даже участвуем в состязаниях с другими университетами графства. Занятия по истории тоже интересны. Особенно практическая их часть, когда мы можем трогать руками древние артефакты, добытые британскими археологами и находящиеся в нашем распоряжении. Не думал, что я, оказываясь, интересуюсь картами караванных путей, связывавших Харран с древней Ниневией, и что к концу первого семестра буду свободно различать исламские культурные слои городищ от римских, а также смогу назвать все признаки интрузивного погребения.

Напрягают разве что театральные постановки. Мы обязаны представить три пьесы за девять месяцев на местных ярмарочных фестивалях. Обязаны не мы, а на самом деле Кочински перед членами муниципального совета, в чьей казне университет особенно стал нуждаться после гитлеровских войн. Уже были поставлены рождественский «Макбет» и мартовские «Ромео с Джульеттой», аккуратно ко Дню Содружества²¹; на конец мая мы репетируем «Сон в летнюю ночь», и ничего глупее наших кривляний под Шекспира представить себе нельзя.

За неделю до каждой премьеры министерская рука выписывает нам двух сестёр-близняшек из городского театра, чтобы те исполнили все женские роли. Профессиональные жрицы Мельпомены. Вы бы их видели. Тицианские Венеры. Одна любовь небесная, другая – земная. Нас выстраивают, как на тюремную перекличку, строго по щели в сценическом настиле, и убедительно внушают всем остолопам – НИ ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ НЕ ПРИКАСАТЬСЯ К ГОСТЬЯМ.

– А во имя искусства? – спрашивает кто-то, за чем следует дружный хохот.

---

²⁰ Деревня на юго-западе Норвегии, в которой фашисты сожгли все 300 домов, ставшая норвежской Лидице.

²¹ День Содружества наций (*Commonwealth Day*) – ежегодный праздник 53 стран-участниц международного сообщества Содружество наций (до 1947 года – Британское Содружество наций), ассоциации независимых государств, ранее входивших в Британскую империю, признающих британского монарха в качестве символа свободного единения. День Содружества наций отмечается во второй понедельник марта.

Мистер Поттегрю – наш сценический постановщик, сорокалетний фронт с коротко стриженным седым ёжиком и молодцеватой выправкой. Натерпелся он от нас, понятное дело, здорово. Мужик он неплохой, подставы никогда не делал, если кто прогуливал занятия. И он единственный, пожалуй, среди преподавателей, с кем можно себе позволить немного панибратства. Иногда мы запросто называем его Пот. Думаю, в таком случае он чувствует себя моложе. Однажды, на Рождество, он даже выпил с нами. И уж точно он – единственный, кто в курсе, что наши благородные гости АПРОБИРОВАНЫ ЕЩЁ ДО ПРЕМЬЕРЫ «МАКБЕТА».

Кочински, переведя дух, резко открыл дверь.

Было что-то около восьми, а постель Адама уже была убрана, словно её, как и мою, не расстилали. На широком подоконнике у большого окна с тетрадью и карандашом в руках в контровом свете был виден его тёмный силуэт. Кончик карандаша энергично дёргался вверх и вниз, и Адам, казалось, был полностью поглощён этим действием.

Кочински хрипло кашлянул. Ничего не изменилось.

Я тихо ухмыльнулся, хотя и предвидел громы и молнии.

– Мистер Карлсен! – иронично вежливо начал Кочински. – Не будете ли вы так любезны оторвать ваш чистопородный скандинавский зад от нашего низкопробного продуваемого подоконника и обратить ваше бесценное внимание на недостойнейшего из недостойных в этой жалчайшей обители!

– Одну минуту, – сказал Адам.

Он приподнял брови, вид у него был озабоченный.

– Понимаете, у меня долго не выходил чертополох.

Адам показал рисунок.

– Ваши британские растения на редкость упрямы.

– Я обещаю поговорить с ними, – сказал Кочински. – Если откажутся быть проще, мы непременно их выкорчует из Роданфорда и посадим другие. Надеюсь, вы меня понимаете?

Его лицо было красным. Он медленно, но верно закипал.

Адам повернул голову и поправил круглые старушечьи очки.

– Конечно. Я считаю чертополох возмутительным. Его не стоит сажать так близко к проходной части.

Хлопнув тетрадью о подоконник, Адам прыгнул на пол. Вновь поправил очки. За девять лет я научился распознавать смысл этого жеста в разных случаях. Сейчас он говорил: *«Надеюсь, ваше появление имеет смысл, в противном случае вы напрасно тратите моё время»*.

– Мистер Дарт заходил к вам? – спросил Кочински, напрягаясь.

– Конечно, сэр. Он весьма точен в исполнении всех ваших указаний, – сказал Адам.

– Могу я узнать, что вас так отвлекло, что вы намеренно отказались от посещения нашего пустякового собрания? Неужели всему виной чертополох?

Адам удивился.

– Сэр, вы в самом деле хотите это знать? – спросил он.

– Отчего вам кажется иначе? – скрипнул зубами Кочински.

Адам пожал плечами.

– Утомительно, должно быть, всё знать.

– А вы считаете, я знаю всё?

– Уверен, сэр, вы знаете абсолютно всё, что обязан знать руководитель такого масштабного учреждения, что уже немало. Поэтому не пойму, к чему вам информация о том, в каком направлении растёт сорная трава – на север или на юг? Вы же не ботаник. Сэр...

На лбу Милека Кочински выступили капли пота.

– Кроме того, мистер Дарт сообщил мне причину собрания.

– И вы нашли её недостойной вашего присутствия?

– Наоборот, я считаю такие собрания весьма полезными. В прошлый раз, к примеру, когда пропал кот мистера Секвойи, мы узнали, что ваш сын, сэр, прекрасно готовит кошек. Вы сами сказали за обедом, что еда была прекрасна.

Кочински побелел. Я уже с интересом и любопытством наблюдал за поединком. Пренебрежения как не бывало. Кочински – слабак против моего Адама.

– А семестром ранее, – спокойно продолжал белобрысый, – когда вы сослали нас чистить отхожие места за потасовку в лаборантской, ваш сын наглядно продемонстрировал непереносимость старинным гобеленом бензотриазола и курения в аудитории. Вы многое узнаете о Тео на таких собраниях, сэр. Это замечательно. Там, откуда я родом, связь отца и сына не так сильна и по большому счёту заметна лишь по фамилии.

Милек Кочински отвернул голову, сосредоточив взгляд на стуле.

– Поэтому я остался в своей комнате.

– Поэтому? – Кочински вытянул лицо.

– Я решил, что сегодня побуду вашим спасательным кругом, тем более мне не терпелось подобраться к чертополоху более основательно.

Адам поправил очки.

– В прошлый раз у вас уши горели, сэр, – объяснил он. – Мне стало вас жалко, вы словно хотели сквозь землю провалиться. Я в этот раз остался в комнате, чтобы в критической ситуации вы имели бы достойный повод, не теряя лица, исчезнуть с собрания куда-нибудь подальше от очередной выходки Тео. И как я понимаю, сэр... ваши уши...

Я машинально посмотрел на предательские уши проректора – их будто бы в малиновое варенье окунули.

Кочински заметил мой взгляд, он растерялся, как школьник.

– Вам же требовалась соломинка, сэр? – говорил Адам куда-то в пол.

Затем он поднял голову с зачёсанными набок светлыми, как выжженная на солнце спельта²², волосами, добавив:

– По правде сказать, я завидую Тео. Если бы вы были моим отцом, я не посмел бы вас в чём-то обвинить. Если только не существует статьи закона о чрезмерности отцовской любви. Я не знаю. В этом у меня нет опыта.

Я закусил губу. Адам поразил меня. Он лгал, намекая, что отец его не любил. По крайней мере, я так понял. Мне всегда казалось, Адам злился на отца за то, что тот не взял его с собой в Сопротивление, что его, Адама, в десять лет не поймали и не убили фашисты.

Ещё мне показалось, что этим выпадом Адаму удалось переманить Милека на свою сторону. Теперь, по идее, они должны были соперничать друг другу.

---

²² Вид пшеницы.

Глава 4

Откровение Кочински

Кочински, наконец, присел. Вид у него был поражённый, как у гротескного персонажа, проигравшего партию сопляку. Он расстегнул пуговицу на твидовом пиджаке, упёрся рукой в колено. Глубоко вздохнул, словно расправляя своё помятое проректорское достоинство.

– Слеп тот, кто отказывается видеть, сэр, – вдруг резко поменял тон Адам.

Кочински поглядел на меня исподлобья.

– Монстр, говорил я тебе, Гарфилд. Сущий монстр.

Я перевёл взгляд на Адама. Чего он добивался, непонятно. Однако же и я не находил иной причины, кроме всепрощающей и, пожалуй, болезненной какой-то любви, по которой Тео сходили с рук его идиотские выходки. А Кочински постоянно искал других виноватых.

Проректор, не глядя в мою сторону, сказал:

– Выйдите, мистер Гарфилд. Пора напомнить нашему иностранному гостю правила поведения студентов в Роданфорде.

Я перекинул взгляд на Адама. Тот стоял непоколебимо, как утёс Прекестулен²³. Выйдя, я прикрыл за собой дверь, оставив маленькую щель. Чёрта с два я бы пропустил такую сцену! Наконец-то погляжу, как Адаму вправят мозги.

Кочински тяжело вздохнул.

– Вы говорите, вам отца не доставало, – сказал он вдруг усталым голосом, как будто его отпустило сильное напряжение. – А Тео не помнит матери, ему и двух не было, когда она умерла. Воспитывал этого засранца я один. Всё прощал. Всё разрешал. Я считал это своим долгом – восполнить недостающее. Полная свобода взамен ушедшей матери. Моя мать тоже умерла, ещё при родах, а отец мне с пелёнок позволял дышать только по составленному им расписанию. Оказавшись уже во взрослой жизни, я знал, что буду любить своих детей и плевать на викторианские методы воспитания.

Хотя в Тео я старался воспитывать дисциплину, но слишком любил, чтобы быть строгим. Нянек сменилось море. Они тоже подливали масла – уступчивые, слабовольные шотландки. Он ломал их, а я позволял им любить его слишком сильно. И это всё равно моя вина. Каковы сады, таковы плоды. Теофил – так мой отец его называл – до сих пор верит, что любить его обязаны все вокруг. От привычек мы нечасто в жизни отказываемся.

– При всём уважении, сэр, добровольно ваш сын от своих заблуждений не отречётся, – сказал Адам.

– А вам бы непременно хотелось устроить ему итонскую порку²⁴ в духе Чарли Коллингвуда²⁵ на общем суде, да, мистер Карлсен?

Адам поправил очки.

– Нет. Его позабавит такое внимание к его королевской заднице. А право божьего помазанника гласит, что только монарх может устраивать порку собственному сыну. Увы, мистер Кочински, во всём действительно виноваты только вы. И исправить положение – ваша личная обязанность.

Милек Кочински лишь едва кивал, глядя в одну точку. Не понимаю как, но Адам свернул проректора в бараний рог.

---

²³ Прекестулен (норв. *Preikestolen*) – «Кафедра проповедника») или *Pulpit Rock* («Скала-кафедра») – гигантский утёс высотой 604 м над Люсе-фьордом напротив плато Кьераг в коммуне Форсанн, Норвегия.

²⁴ В учебных заведениях Великобритании физические наказания были официально отменены только в 1987 году. Особо изощрённым ритуалом порки славился Итонский колледж, основанный в 1440 г.

²⁵ Герой поэмы «Порка Чарли Коллингвуда» английского поэта Алджернона Чарльза Суинберна (1837–1909).

– Да, тут, как вы, англичане, говорите, висит нож. Может, если вы найдёте путь к его сердцу, то сможете что-то починить или восполнить какой-то фрагмент...

Адам принялся неспешно рассказывать взад-вперёд, словно разыскивая этот самый фрагмент у нас в комнате, походя на важного гуся.

Вдруг он спросил:

– Тео крещён?

В ответе Кочински послышалась тяжёлая печаль:

– Нет. Я не крестил Тео назло отцу...

Адам значительно кивнул.

– Знаете, баптисты не признают крещения младенцев, потому что их конфессия подразумевает добровольное крещение, а младенцы лишены права голоса. Протестанты ждут, когда человек вырастет, и только тогда предлагают ему присоединиться к их вере. Может, для Тео такой час настал?

– Вы предлагаете мне крестить Теофила? – спросил Кочински.

От удивления Адам остановился как вкопанный.

– Это была бы сущая глупость, сэр! Я имел в виду другое. Придумайте ему занятие, дело, куда он сможет выливаться без остатка. Ведь именно этим баптисты промышляют. И к позорному столбу Тео некогда будет ходить. Когда мне было семь, мой отец знал: чтобы занять меня, нужен учебник по биологии или взрослый детектив. Вы тоже должны знать вашего сына, сэр.

– Иногда мне кажется, что это не мой сын, а сын моего отца... – Кочински выглядел смущённым, даже растерянным, печальная складка пересекла его лоб.

В тот момент я подумал, что Тео необходимо влюбиться. И тут же мотнул головой, как бы поправляя чёлку, приходя в себя от курьёзной идеи. Почему-то я всегда так делаю, когда даю маху, пускай даже в мыслях. Дед, когда я от тоски на корабле выл, повторял, что мне надо влюбиться. А ещё он любил мне с улыбкой цитировать русского писателя Чехова: *«Природа постановила, чтобы человек в известный период своей жизни любил. Настал этот период, ну и люби во все лопатки...»*

Милек Кочински, словно услышав мои мысли за дверью, сказал задумчиво:

– Меня не воспитывали в любви, мистер Карлсен. К сожалению, я узнал о любви, только когда вырос и повстречал мать Тео. Тогда я дал себе слово, что мои дети не повторят мою судьбу. Вся жизнь я, можно сказать, нахожусь в одной поре. Не физически – духовно.

«Эк тебя зацепило!» – подумал я. Это ж до чего надо взрослого мужика, проректора университета, довести, чтоб он перед студентом душу вывернул. Хотя Адам – не всякий студент.

– Рос я примитивным, отсталым, я сейчас это вижу, – спина Милека сгорбилась на стуле. – Потому что, сколько себя помню, одним делом был занят – корячился на своего отца. Он был тираном, пуше Джона Кита. В смысле, он жив ещё, но... в прошлом году ему пришлось фактически покинуть пост главы Роданфорда. Хотя и пытается диктовать по-прежнему... Слёт, и доктора не дают оптимистичных прогнозов. Ему пришлось уступить мне место. Эта традиция уходит корнями глубоко к моим прадедам. Сыновья продолжают дело рода Кочински.

Я просто прилип к двери. Голос Кочински стал глух, я с трудом разбирал слова.

– Отца бесило от одной мысли, что я усядусь на его место. До сих пор мне, взрослому человеку, бывает боязно и стыдно. За личностную малоразвитость. За то, что позволял отцу себя подавлять. Хотя я пять раз был упомянут в рассылках²⁶ во время Первой мировой и по молодости считал сей факт неотъемлемым доказательством своей человеческой состоятельности.

---

²⁶ Имеются в виду сводки об отличившихся в ходе военных действий.

Адам слушал молча. Он стоял вне поля моего зрения, и я не видел его реакции на откровения проректора.

Милек Кочински вдруг рассмеялся.

– Вы двое думаете, что всё о мире знаете.

Он указал большим пальцем себе за спину, точнёхонько в меня, словно наверняка знал, что я тут стою и подслушиваю. Я чуть не сбежал, но потом затаил дыхание и крепче втиснулся в стену. Надо быть последним дураком, чтобы пропустить самое интересное.

– Молодость... Кто из нас знал тогда, чем обернётся жизнь для каждого? Я, Секвойя, Дарт, отец Лерри – тоже так думали, как вы сегодня. Мы ведь все из одного взвода. Одни окопы рыли, одну кровь видели, вместе в атаку ходили. Но почему-то на их сознание война повлиять как-то смогла, закалила душу, а я – остался рабом своего «палочника» отца.

Он замолчал. Послышался голос Адама:

– Отец Лерри? Священник воевал вместе с вами?

– Старик Лерри до войны был бедным и счастливым начинающим врачом. И заядлым бабником!

– Отец Лерри? – удивился Адам.

– Крутил шашни направо и налево. Портил каждую в миле от него. Лесные оргии вашего соседа, мистер Карлсен, – детский срам по сравнению с тем, что вытворял старый бес.

Я чуть было не взорвался и, зажав ладонью рот, подавил хохот.

– А однажды, перед самой войной, он влюбился до беспамятства. Мы думали, всё – повзрослел малыш. Однако не тогда его сломило по-настоящему, а двумя годами позже. Когда нас отправили на западный фронт. Мысленно мы уже сотни тысяч раз попрощались друг с другом, когда из-за баррикад высовывались. В один из таких моментов Лерри закрыл меня от осколка снаряда. Мы оба уцелели, только Лерри тогда ранило. Но даже побывав в полушаге от неминуемой смерти, я остался верным зомби своего отца.

Милек в сердцах крепко стукнул себя кулаком по колену.

– А Лерри пересмотрел всю свою жизнь. Осколок снаряда оказался перстом судьбы. Лерри сказал, что отныне он – слуга Господа. Это Лерри, не знавший отличия Бога-отца от Иисуса! Мы все были сражены.

Кочински достал платок и вытер взмокший лоб.

Я вспомнил встречу нашу с отцом Лерри в первом семестре. Пока тот псалмы во славу Господа пел, я не мог избавиться от мысли, что под рясой прячется садист и любитель полапать мальчиков в приватной беседе. А тут – бывший Казанова оказался.

– Секвойя был богатым наследником, но человеком всегда был славным и открытым. Это хорошо отразилось и на его сыне, хотя родился Питер уже в бедности, когда семья Секвойи потеряла абсолютно всё. Получив должность руководителя Роданфорда, я первым делом разыскал Секвойю. Бедняга, он чуть не спился вконец. А я-то думал, что из него вышел бы прекрасный сценограф для нашего театра. У него, как и у Питера, был талант к лицедейству. Теперь он годился лишь в уборщики, но даже этому радовался несказанно. Многие бросались грабить и убивать после денежного краха, а Секвойя, оказавшись после войны на улице, сумел сохранить достоинство и свои лучшие человеческие качества. То, что Питер единственный, кто учится здесь не за деньги, – мой глубочайший поклон Секвойе.

Платок был уже дважды вывернут, когда проректор продолжал:

– С Дартом мы были дружны больше всего. Закончили одну школу, затем был Роданфорд. Нравы здесь были, как и везде, суровые, под предводительством моего отца процветал в библиотеке эшафот. Старик собственноручно люто порол за любые проделки. Однажды мы вовремя не вернулись с ночной гулянки, и отец обвинил во всём Дарта. Меня ждали розги, а Дарта он исключил из университета.

Стратегически отец поступил неверно. Дарт был моим самым близким другом и, соответственно, часто исполнял роль мальчика для битья, хотя я сам получал до шести розог за раз. Но в тот момент я не смог произнести, что виноват сам, у меня будто судорогой челюсти свело от страха. До сих пор эту сцену вспоминаю.

Кочински потёр рукой подбородок.

– А Дарт был слишком скромным и ранимым, чтобы вообще открывать рот. Оба мы были чересчур скромны. Из-за меня мы тогда не успели к комендантскому часу. Это мне, а не ему, было слишком весело в деревенском пабе. И признаться в этом тирану у меня не хватило смелости.

Дарт заделался военным за год до всеобщей воинской повинности. С таким багажом вариантов у него было немного. Да и отец постарался, воспользовался связями, чтобы Дарта никуда не приняли.

Похоже было, что проректору давно хотелось поговорить с кем-нибудь по душам. А может, ему страшно было возвращаться к своим проректорским делам и разбираться с нашей ночной прогулкой и засранцем Тео. Кочински продолжал погружаться в воспоминания.

– Позже мы попали с ним в один батальон, случайно или почти. В любом случае мне хотелось разыскать его, сказать, что я сожалею. Дарт не был на меня в обиде, хотя выходило, что его многочисленные рубцы на заднице были получены зазря. Четыре года учёбы у него пошли прахом. Я обещал ему, что он вернётся в Роданфорд, когда мой отец уйдёт на покой. Ждать пришлось долго, старик до гниения в суставах держался в седле, но... Обещание своё я сдержал.

Кочински облегчённо вздохнул. И я за дверью тоже вздохнул. Я начал сочувствовать проректору. Мой отец всё же лучше.

– Вы правы, мистер Карлсен. Монарх здесь я, и только меня Тео может винить в своём моральном уродстве. Я и физически не больно-то вырос. Как будто бог меня наказал за мою никчёмность. Даже война не смогла пробудить во мне силы действовать.

– Вы отменили порку, – напомнил Адам.

– Не следовало мне этого делать, – признался Кочински. – Мягкотелым я был в начале своего первого семестра. Вычищал следы тирании из Роданфорда.

Внезапно тон сменился на более привычный, сухой.

– Мне следует серьёзно подумать о возвращении розог. Но я всё-таки считаю любовь сильнее розги. Я бы очень хотел, чтобы Тео смог полюбить кого-нибудь, кроме себя. Но у него рост, как у его деда, выше шести футов, и чувство превосходства над остальными.

Милек Кочински встал и теперь направлялся к выходу.

– Старик мой лежит в кровати и умирает, но даже в таком положении смотрит на меня сверху вниз. Ни одного из принятых мной решений не одобрил. Нрав ему мой кажется снисходителен слишком. Подчинённых надо брать с квалификацией и безупречными рекомендациями, а не из моральных калек, говорит он.

У двери Кочински остановился. Я отошёл чуток в сторону.

– А в прошлом году я снова женился. На молодой. И старик заметил, что Анна не заслуживает такой рохли, как я. – Он резко повернулся к Адаму. – И знаете, что я ему ответил?

Адам молчал, или я не услышал его ответа.

– Пожелал ему хорошенько просратья!

Кочински рассмеялся. Я сам еле сдержался от одобрительного возгласа. Молодец проректор!

О новой миссис Кочински мы немного слышали. И в основном то были на редкость пошлые реплики, кинутые во всеуслышание её новым пасынком. Вкратце, если им можно верить, Анна Кочински – весьма недурна.

Поуспокоившись, Милек Кочински отворил дверь в коридор и, заведя меня, ничуть не удивился и не возмутился, словно я и должен был стоять там, где стоял, и сказал сухо:

– Отец Лерри был прав, говоря о нынешних Иезавелях. Вы должны понимать, мистер Гарфилд, у этих девиц не первый сезон охоты. Испокон веков они ходили и совращали студентов. Вас, Гарфилд, конечно, совращать не нужно, но не у всех из вас есть голова на плечах. Много тех, кто головой в штанах думает чаще, кто может клюнуть и напортачить, а распутывать нам.

– Ключнуть? – удивился я.

– Кто-то из вас, в силу юного возраста, может обидеть одну из них. Мало ли на что тогда она решится. Пойдёт в муниципальный совет, расскажет о растлении, что чинят наши студенты. Вы должны понимать, что в этой игре не только вы, в ней – мы все. Роданфорд – не проходной двор. Не один будущий политик его окончил...

Усталый голос опустил в официальный, немного раздражённый регистр. Кочински словно бы вспомнил о важности суровых проректорских обязанностей.

– И когда я говорю «мы все», я имею в виду и *вас*, мистер Карлсен. Я требую от всех личного присутствия. Не мы сегодня устанавливаем правила жизни, за нас это делают другие. И тогда вы, мистер Карлсен, можете кончить вовсе не доктором наук, как вам кажется.

Откровений и смеха будто не было, и Кочински, вероятно, жалел уже, что дал слабину, поступившись железными проректорскими принципами.

– Уже девять лет я живу в чужой стране, не по своему желанию, сэр. Не говорите мне, что жизнь может измениться. Я это знаю, сэр. Я узнал это раньше, чем вы, – сказал ему Адам. – Но я ни на что не жалею.

Рука Кочински скользнула по дверному косяку, его взгляд будто бы говорил: *«Жаль, что меня в десять лет от отца не увезли...»*

Он обратился к нам уже через плечо:

– Не покупайте сигареты в лавке О’Брайена, Гарфилд. Студенты Роданфорда официально не курят, а ирландцы неофициально – всё ещё наши враги.

На этом он удалился. Я вернулся в комнату и наконец-то плюхнулся на свою скрипящую никелированную кровать, как следует растянувшись.

– Один вопрос – зачем?

Адам ответил:

– Я не сомневаюсь, Макс, что устроить оргию на территории Роданфорда идея твоя.

Я холодно покосился на соседа, затем ухмыльнулся.

– И что с того? – зевая, промямлил я.

– Как будто ты не знаешь Тео, – Адам поднял тетрадь с подоконника и начал заново изучать свой рисунок.

– И что с того?

– Он развлечётся, но, когда ему надоест, сдаст зачинщика, а с самого, как с гуся вода.

– Он бы не сделал ничего подобного. Я дал ему сигарету.

– А, я не знал этих подробностей. – Адам отшвырнул тетрадь. – В таком случае извини. Я не ответил.

Цитируя Марка Твена, настоящий друг с тобой, когда ты неправ. Когда ты прав, всякий будет с тобой.

Это правда, Адам постоянно вытаскивал меня из передраг. По-скандинавски просто. Но что за работа при этом кипела в белобрысой башке той, догадаться можно было разве что по взгляду.

Неоднократно я слышал пошлый афоризм, что глаза наши имеют свойство впитывать ужас, который могли наблюдать. У Адама глаза медно-ржавого цвета, какой луна бывает при

затмении. Ужасные, ужасные глаза! Я живу с ними девять лет и до чего дожил: избегаю их, словно уберігаю легко вскипающую кровь от щепоти перца.

Иной раз во время бессонницы я всё жду, когда Адам, давно отошедший ко сну, вдруг повернёт по-совиному голову и я увижу вновь эти глаза. И всё не из-за какого-то ужаса пережитого, а потому что в Адаме прячется садист. Если порассуждать, не так уж и прячется, а в открытую проводит свои эксперименты над людьми. Мы с ним братья по случаю. Мясорубка военная нас в один фарш сдавила. Но в наших отношениях я – как дым, не имеющий силы против железа.

Пошарив в тумбочке у изголовья кровати, я достал моток ниток с иглой и запасную пуговицу, затем снял рубаху. Пуговица плоская, но ведь меня дед учил, как делать ножку из нитки. Так что минут за десять справлюсь.

– У меня есть для тебя поручение.

– Всё что пожелаешь, – опять сквозь зевок ответил я.

Адам сосредоточенно набивал рюкзак учебниками.

– Задание с целью перевоспитать тебя. И пожалуйста, прими это не как обузу. Просто так будет лучше, – подытожил он, а затем шлёпнул готовый рюкзак у выхода.

Мне кажется, я был пока что главным экспериментом в его практике. Время от времени Адам подыскивал мне нужную, на его взгляд, почву, сажал, как растение, удобрял и следил за плодами своих опытов. Но вы ведь знаете третий закон Ньютона: действие рождает противодействие. В векторной форме это выглядит так:

$$m_1 a_1 = - m_2 a_2,$$

где a значит Адам, а m значит Макс. Иными словами, Адам читает нотации, а я сопротивляюсь. Как видите, я всегда выхожу со знаком минус.

– Лучше для кого: тебя или меня? – спросил я. Хотя ответ и так знал.

Адам заботился обо мне, как о своём сыне. Сублимировал в меня всё то, чего недополучил от отца. Их отношения, вернее их скупость и непродолжительность, были корнем всей повернутой сущности Адама. Когда ему становилось особо паршиво, он брался щёлкать меня и вытряхивать из всех моих кладовых содержимое, отвлекаясь таким образом от собственного содержимого.

Даже за девять лет я не научился быть готовым к тому, что меня в любой момент раскусят, хотя стараюсь этого не показывать. Но будто бы Адаму требуется что-то показывать. Слова его частенько задевают меня за живое. А его взгляд – хотя, возможно, только цвет глаз ореховый – мне сегодня почудился во взгляде Джульетты. И я понял, *что* не давало мне пойти с ней на завтрак. В её глазах был слишком *тот* карий оттенок. Слишком. А я его давно уже стал бояться.

Монстр, взаправду. Точно монстр.

Глава 5

Молоко Девы Марии

Дарт внезапно вырос в коридоре посреди толпы сразу после занятий. Мы почти столкнулись. Невозможно было понять, что у него на уме. Это серое лицо всегда выражало одно и то же – мрачность, а его плечи обязательно выдавали напряжённость. Он напоминал старую верную трость, которой периодически пользовался его начальник.

– Мистер Гарфилд, мистер Карлсен, переодевайтесь. После обеда жду вас у выхода из южного крыла.

– Мы переоденемся после обеда, – говорю я. – До регби два часа.

– Сегодня вы не тренируетесь. – Дарт не отводил испытующего пристального взгляда.

– В смысле, как не тренируемся?

– Вам предстоит выкорчевать весь чертополох. За нарушение порядка.

– О! – удивлённо прокомментировал Адам. – Чертополох нарушил порядок?

Дарт ещё более выпрямился.

– Мистер Гарфилд, вы наказаны за организацию непристойного поведения ряда учеников, мистер Карлсен – за неявку на утреннее собрание.

– Организация непристойного поведения? – Я чуть не прыснул со смеху. – Что за нелепость?

– В каком смысле весь, сэр? – спросил Адам, поправляя очки.

– Весь, что на западной стороне сада. Это понятно? – Дарт по привычке скрестил кисти рук внизу живота.

– Яснее некуда, сэр. Мистер Кочински посчитал такое решение верным?

– Полагаю, других он не принимает, – ответил Дарт. – Впрочем, по мне, такое наказание – благодать Божия. Я предлагал нечто иное.

Подмывало съязвить про его былые времена здесь, напомнить, как часто его нежных мест касались розги. Вместо обороны я пошёл в наступление:

– Осторожнее, сэр! Помните, что *«почёсывая в штанах у школьника, педант удовлетворяет свой собственный зуд»*²⁷.

Ноздри Дарта раздулись от возмущения. Не дав мне и дальше на рожон лезть, Адам поспешил увести Дарта в свои дебри:

– Я не про степень наказания, сэр. Хотел уточнить, верное ли политическое решение принимает мистер Кочински, посягнув на удаление чертополоха? Ведь это растение служит символом Шотландии и изображено на его гербе. В честь его даже учреждён рыцарский орден с девизом: «Никто не тронет меня безнаказанно».

Дарт сдвинул брови, глубокая морщина на лбу стала резче.

– Я всё утро наблюдал за этим чертополохом, сэр, – ничуть не смущаясь, продолжал Адам. – Он растёт на западе, где церковь. Вы, конечно же, знаете его научное название – «расторопша пятнистая», а по латыни – *Silybum marianum*, что значит кисть Марии. Вы, я в этом уверен, в курсе, что разводы на листьях расторопши издревле считались молоком Девы Марии. Не будет ли оскорбительным для отца Лерри и всех прихожан такое варварство?

Я перевёл взгляд на Дарта. Лицо его по-прежнему являло собой лишь сгусток мрака, однако Дарта выдавали руки – большие пальцы нервно потирали друг друга.

В свою очередь, я был удивлён такой сменой взгляда на чертополох – ещё утром Адам считал его возмутительным.

---

²⁷ Английская эпиграмма XVII века, намёк на садистские пристрастия наказывающего.

Дарт кашлянул, подыскивая, чем крыть. Но, видно, не сыскал.

– После обеда, – наконец повторил он сухо.

Я благословил его спину непристойным жестом.

За обедом я имел неосторожность поинтересоваться, что особенного в расторопше.

– Чертополох, Макс, сорняк только по своему происхождению. Но меня восхищают его свойства быть одновременно угодным и ненавистным вам, британцам.

Я заглатывал переваренную рыбу с картофелинами в чёрных ожогах, отмечая, что иногда мне хочется зашить себе рот, чтобы не побуждать Адама к рассуждениям.

– Вы гордитесь им, когда один невнимательный норвежец наступает на него и своим криком будит и спасает спящее шотландское войско от гибели²⁸, и ненавидите его, когда другой норвежец пытается спасти вас из неловкой ситуации.

Бесспорно, думал я, будь Адам в армии короля Хокона IV на месте того осла, ходил бы я не под белым, а под синим крестом, если бы вообще родился. Потому промолчал. К тому же о разборчивости в людях и вообще за нас громче говорили наши тарелки.

Я сметал всё подряд, как ошалелая акула глотала бы без разбору рыб и людей. К концу трапезы в моей тарелке всегда было пусто.

Вилкой Адама решалось некое уравнение: кости лежали строго перпендикулярно коже, всегда бережно уложенной с левой стороны; верхний слой картофелины, тонкий, извечно пригорелый, утрамбовывался в правый нижний угол. Всё это затем выбрасывалось в мусор. Чтобы сердце, говорил Адам, не болело. Вот так несложно, по-скандинавски, не давая сердцу болеть попусту. Возможно, душевная боль уже перестала посещать Адама.

А я всегда думал, что скандинавы в этом смысле экономны до умопомрачения, что любой пригорелой коже у них найдётся толковое применение. Не совсем верно. Они просто не жарят картошку до чёрных краёв, как мы привыкли это делать, и не солят без того солёную рыбу. Иначе говоря, меньше масла и соли тратят, оттого лишнюю хворь не цепляют. Нам же только повод дай понять.

Переодевшись в шорты и майки, мы спустились и встретили неприветливую фигуру Дарта в дверях, что выходили в сад с западной стороны. За зарослями пятнистой расторопши прямо по центру от здания университета располагалось поле для игр, а за ним – лес, Волчье кладбище с его тёмными страхами и легендами. Дорога, огибавшая поле справа, вела к церкви, слева – в деревню, мимо сторожки лесника. За сторожкой, мили через три, лес заканчивался крутым обрывом в глубокий карьер.

Нам были вручены лопаты, вёдра и тележка.

Я прикинул фронт работ.

– Оставить землю в развороченном виде? – спросил я.

Дарт, кажется, оскорбился таким предложением, кончик его носа, похожего на бушприт парусника, дёрнулся всего раз, но достаточно красноречиво.

– Не говорите глупостей, Гарфилд!

Он швырнул нам под ноги несколько пакетов с семенами.

– Мистеру Кочински всегда нравились растения попроще. Понимаете, мистер Карлсен?

– Конечно, сэр, – учтиво сказал Адам, он рассматривал вилы в руке. – Кто знает, что с нами всеми было бы, предпочти мистер Кочински простым растениям старые добрые розги.

Дарт почти подавился.

– Я непременно доложу ваши слова, Карлсен. Вы об этом пожалеете.

– Мне не о чем жалеть, сэр. Я – лишь чёртов иностранец.

Адам снял очки и протёр их о майку.

---

²⁸ В древние времена, по легенде, викинги высадились на шотландский берег, чтобы ночью скрытно напасть на шотландцев. Но один из викингов нечаянно наступил на колючку чертополоха и вскрикнул, разбудив шотландское войско.

– Кому если не мне выкорчёвывать на вашей земле всё живое, сэр, с корнями и молоком Богородицы?

Я закатил глаза.

Дарт бросил на Адама взгляд в упор, такой злой, будто хлестнул кнутом по лицу.

В три часа солнце палило, казалось, как в древней Ниневии. Над полем роем разъярённой мошкеры летали «Дикие коты» и «Муфлоны». «Яйцезахватчики» и «Кастраты» называли мы команды менее официально.

Сыпалась обычная брань. Хрюшка Мэтью, честно облачённый в форму, продавливал скамью, обливаясь потом. Тренер, мистер Горден, муштровал свои батальоны и периодически ругал за сквернословие, если в эти моменты где-нибудь маячил силуэт проректора или кого-то из преподавателей. Как только горизонт пустел, Горден, уже еле сдерживаясь, открывал суровую пасть под седыми усами и крыл игроков со всем искусством столь извращённой мысли, что даже мы с нашим молодым цинизмом и буйной фантазией не всё сказанное им могли вообразить.

– Мол²⁹! Формируйте мол, онанисты отсталые! – поднимал Горден командный дух «Кастратам».

Мэтью вроде спал. Мы продуктивно пололи грядки.

«Дикие» выигрывали у «Муфлонов» – 48:0. Какой там мол! Просто смешно. Остановить Гарри, когда тот даже шагом по полю с дыней³⁰ прогуливается, не по зубам ботаникам из левого крыла, хоть гурьбой они на него навалились.

Я вытер краем майки пот со лба, затем снял её, швырнув на тачку с грудным молоком Девы Марии. В окне на первом этаже я заметил силуэт сосредоточенно наблюдавшего за нами Дарта. Он наслаждался властью. Ему крайне сильно, до чёртиков, хотелось меня выпороть. Его отец, если он у него был, не сумел в своё время защитить сына, ни в чём не повинного. Я же теперь ему, как бельмо в глазу. Но что, кроме регби, он мог у меня отнять? Жалкая попытка. Жалкий Дарт...

Знал бы, как сильно я желаю летать, он бы ночи не ждал – пришёл и обрубил бы крылья моему самолёту. Я прощаю его за всё. Я уверен, парень он неплохой по своей природе. А угнетённость, тем более столько лет копившаяся, кого угодно озлобит.

Во мне скопилось нечто иное, но нам запретили покидать каторгу. Я на всё это плюнул и прошёл к уже засеянной семенами почве прямо напротив надзорного окна. Створка резко задвинулась – я усердно орошал будущие всходы собственной влагой. Дарт глядел на меня с ненавистью.

Конечно, я нарывался на неприятности. В Виндзоре или Итоне меня бы высекли и отчислили. Однако я тогда совсем об этом не думал. Я решил, что смелость Адама сегодня здорово превосходила мою, а он всяко умнее меня и точно знает, что делает.

Я вернулся к Адаму, как раз когда «Дикие коты» взбунтовались. Вопил Тео. Ему что-то не понравилось. Сиплый ор Гордена прояснил дело: «Бараны» каким-то лихом заработали два очка. Впервые за семестр.

– Ты покойник! – обещал Тео кому-то в толпе.

Мы согнулись копать дальше.

– Знаешь, почему мы это делаем? – сказал я.

– Почему?

– Из-за тебя.

Адам поправил очки.

---

²⁹ Игровая ситуация в регби, когда игрок с мячом удерживается одним или несколькими соперниками, а с ним одновременно связываются один или несколько товарищей по команде.

³⁰ Дыней на сленге игроков в регби называется овальный мяч.

– А знаешь зачем?

– Поведай.

– Потому что теперь при виде чертополоха Кочински будет вспоминать о сегодняшнем позоре, – заключил я. – Благодаря тебе.

– Я слышу логику в твоих словах, Макс. Продолжай в том же духе.

Через несколько прополотых яров подбежал Питер, потом разило от него будь здоров. Он встал у платана, чтобы помочиться.

– Ну, кажись, Джо влип.

– Что с доходягой? – говорю я.

– Не смог «кастрата» догнать.

– Чушь!

– Ага. Гарри бил с ноги, мяч отскочил, и тут Джо невольно касается мяча, тот мимо ворот, «кастрат» за дыню и дёру дал. Мы все рты разинули.

– Обалдеть!

– Ну, все хороши. Но Джо, конечно, хорош больше всех.

– Ему надо грядки полоть, – сказал я. – А мне – на поле быть.

– В жизни всегда так, – просто заметил Питер.

Через два часа весь род чертополоший был злостно изгнан, а нечто новое слепо и безрассудно высеяно. Теперь мы вывозили мусор. Парни покинули площадку около часа назад.

У ворот, куда мы свозили падшую от наших рук расторопшу, неожиданно пронёсся Джо, демонстрируя лучшие вингерские результаты. Затем послышался развесёлый хохот. К нам шумно двигались Питер с Робинсом. Оба искупавшиеся, с влажными волосами, в выходных брюках и рубашках. От обоих плебейски несло туалетной водой.

Они горячо спорили. Питер считал Model B³¹ переоценённой, а добавленную в её двигатель пружину возврата дроссельной заслонки недостаточным основанием, чтобы Lambretta могли заламывать цены. Робин говорил, что ему всё равно, потому что ему хотелось сэндвича с лососем.

– Но нельзя же, в самом деле, не понимать, что Vespa³² отстают, – добавлял Робин.

– Сто двадцать пять кубов, – настаивал Питер. – Мощность в четыре лошадиных силы.

– Дело не в мощности мотора, а в общем качестве езды, – говорил Робин. – Запихнуть коробку передач с двигателем под один корпус – вот это я понимаю видение будущего.

Питер заулыбался.

– Ты всё равно не можешь отрицать, что Lambretta всегда будут вторыми, – сказал он.

Робин повертел пальцем у виска.

Питер обратился к нам:

– Мы в «Свиное рыло» в пул³³ играть. Ботаники хотят реванша. А вы?

А мы с Адамом сами походили на одно сплошное свиное рыло и пахли острым мускусом с оттенком разлагающегося аммиака.

– Будем позже, – сказал я. – Джо с вами?

Питер удивился:

– Вряд ли. А вы не слышали разве?

– Нет. А в чём дело?

– «Кастратам» два очка дали.

– А, слышали.

– Это расстроило Тео.

---

³¹ Модель мотороллера марки Lambretta.

³² Lambretta, Vespa – марки мотороллеров.

³³ Разновидность лузного бильярда.

– Они подрались?
– Куда там! – Робин схватился за живот, не сдержав приступ смеха.
Питер солнечно ухмылялся.
– Джо последним пошёл мыться. Боялся Тео – тот караулил его. В общем, Тео заломил ему руки, а Гарри держал лезвие...
– На кой чёрт? – помрачнел я.
Адам оторвался от земли и поправил очки.
Два балбеса, заливаясь, пытались объясниться:
– Они его побрили!
– Подчистую!
– Вообще ничего не оставили! – Питер эмоционально жестикулировал. – Ни волоска!
– Он только что пролетел мимо, с вздыбленным ёжиком, как будто электричеством его долбануло, – говорю я.
Парни переглянулись и разом заржали.
– Шервудский лес ему сбрили! – выпалил Питер. – Теперь Робину Гуду негде прятаться! До меня дошло, и я тоже начал ржать, скрутившись и держась за живот.
Адама история не повеселила. Он вернулся к мусорной куче.
– Лейбористы надавали консерваторам! – смеялся Робин.
– Чёрт, должно быть, унижительно, – весело возмутился Питер.
– Джо-то какая разница? Его мама всегда будет той единственной, кто видел его погребушку.
– Ты забыл, он с нами ходил вчера.
– Да, но сомневаюсь, что там что-то было. Мэтью утверждал, что у бедняги ещё продолжают поллюции.
Питер пожал плечами.
– Так вы идёте?
– Будем позже, – сказал я.
Отцепившись, парни пошли вверх по тропинке, и до нас докатывалось дурашливое песнопение:

Благой Робин Гуд во Шервудское чрево
Вошёл как-то ночью дремотной.
Там юная дева прильнула ко древу
С подругой-печалью холодной...

Мы поднялись наверх, чтобы обмыться, закинув по пути грязные шмотки к Секвойе в прачечную. Бедняга Джо! Не стать ему мужчиной в Роданфорде.

Глава 6

Предвестие ангела

Перед выходом я взлохматил мокрые патлы, Адам же бережно зачесал волосы набок. Ему шла приглаженность. Череп у него немного вытянут, прям как у Хамфри Богарта³⁴, хотя, говорят, так у всех скандинавов. Мне кажется, эта особенность вкупе с очками добавляет серьёзности облику.

Мы всегда ходим к деревне не по тропинке, а напрямик через кленовый лес, через крапиву и горчичную опушку. По дороге всегда молчим. Сказать нам друг другу уже давно нечего, да и среди мрачных красот Волчьего кладбища всё больше тянет поразмышлять о чём-то своём.

В деревне, перед тем как оказаться в «Свином рыле», мы встретились в кафе «Рожок» с Агатой, подругой Адама.

Да, многомудрый мой товарищ лесных свиданий не признавал, однако едва начался первый семестр, он уже сдружился с потрясающе карикатурной серой мышью в очках. Узнав, что она библиотечарша (где б ещё встретились!), я едва сдерживался от комментариев.

Агата черства и аппетитна, как пригорелый кекс с тающей начинкой. Орлиный нос и жёсткость скул вдруг дополнялись округлой комплекцией тела, при ходьбе пышные формы здорово колыхались спереди и сзади, как утренний пудинг. Агата могла бы краситься и вполне походить на девушку. Я даже могу представить её на месте какой-нибудь рип-ур модели с французской открытки³⁵. Получилась бы эдакая размалёванная дурнушка на любителя.

Однако не думаю, что она сама или Адам вообще замечали её вторичные женские признаки. Возбуждала Агату болтовня о литературе, биологии, о влиянии небесных тел. Довольно густые брови взлетали от каждой мысли, произнесённой пухлыми по-рыбы губами.

Адама восхищала редкость имени Агаты, её горячая манера речи. Никому другому он такой импульсивности не простил бы. Я часто представлял его с Агатой наедине. Внутренняя моя раскованность позволяла рисовать многое, однако с этой парочкой даже у меня не выходило картинки. Мне виделась лишь плотно закрытая дверь в комнату Агаты, за которой долгие часы кряду шли выяснения, удастся ли когда-нибудь учёным завершить модель дезоксирибонуклеиновой кислоты.

А однажды мы втроём наблюдали сношающихся черепах. Они орали по-человечески самозабвенно и громко. Я со смеху покатывался. Но эти двое... Они же с видом магистров простояли весь процесс, отпуская редкие комментарии по поводу наимпригоднейшей для оплодотворения температуры дня и состава почвы в террариуме.

Но есть и другая теория, полярная предыдущей, и к ней я периодически возвращаюсь. Говоря кратко, Адам просто ловит кураж, дурача меня.

В трезвом уме я почти никогда в это не верю. А накатывает это подозрение в моменты абсурда, такого, как сейчас, когда мы засели в кафе «Рожок» за тесный столик поесть мороженого. Ведь не может Адам не замечать, как в нескольких дюймах от него сквозь серый штапель за нами подглядывают большие острые соски? Или как плечи, мягкие и покатые, сами того не ведая, соблазняют, повинуюсь зову природы?

Я услышу этот зов сквозь любой воск с любой мачты³⁶ и всегда смогу отсеять волны, что, как сейчас, шли не ко мне. Агата была единственной из деревенских, чей бюстгальтер был

---

³⁴ Американский киноактёр (1899–1957).

³⁵ В конце XIX и в начале XX века во Франции выпускались открытки с изображением обнажённых девушек. Термин «французская открытка», означавший непристойное фото, употреблялся в странах, где подобные снимки были запрещены.

³⁶ Аллюзия на «Одиссею» Гомера. Чтобы не поддаться зову сирен, Одиссей велел привязать себя к мачте и залепить уши

намеренно забыт дома не для меня. Для её обитающей средь книжных замков натуры я слишком смазлив, слишком нахален. Иначе говоря, я – позёр, и мне позарез не хватает романтичности. В книгах я, безусловно, персонаж отрицательный, а совесть мою, как сказал бы Доусон³⁷, вообще унесло ветром. Агата отдала бы меня под трибунал при первой возможности и уж точно бы в жизни не села ко мне за столик, если бы нас не объединяло знакомство с Адамом.

За спиной она звала меня «этим мятежным демоном». За мою экспрессию в танцах и красоту неотёсанного дикаря, которой, по её мнению, я обладал. Вечерами по выходным, когда в «Свином рыле» устраивались танцы, я подрабатывал жиголо³⁸. Деньги мне нужны были, чтоб своё дело начать и отчалить поскорей от отцовского порога.

В детстве мне думалось, что взрослые добывают себе хлеб, занимаясь исключительно милым сердцу делом. Повзрослев, я обнаружил, что деньги чаще дают за то, что нравится другим. Особенно если зарабатывать приходится втайне от кого-то.

Однако не жалуюсь. Моё ремесло тяжёлым точно не назовёшь. Из бесстыжих, вроде меня, франтов, как правило, всегда выходили хорошие танцоры. А уж убедить глухую деревню, полную послевоенных вдов, что ты движения где-то в Аргентине изучал, дело совсем нехитрое. От природы мне дан взрывной темперамент, а скульптурная форма тела с молодых ногтей точилась игрой в регби.

Я всецело осведомлён о наличии у себя смазливого рыла и обо всём таком прочем, что под ним. Всем кажется это чем-то убийственно классным – иметь такую внешность. Знаете, в действительности это – как открыточный приморский городок – тот, кто в нём живёт, постоянно страдает от наплыва туристов. И тут либо переезжай, либо сдавай комнаты курортникам. Из-за нужды в деньгах я выбрал второе. Сдаю свой камбуз³⁹ местным дамам. Они и рады. В их заждавшихся взглядах я был лакомой конфетой, с головы до ног блестящей. То, что мой фантик трогали, да порой так, что в ушах шелестело, меня не смущало. В конце концов, я не гнул спину, а неплохо проводил время и получал впечатляющие полтора фунта и бесплатную выпивку в баре за один вечер. Прибавить чаевые, которые мне совали во все карманы дамы постарше, промокшие для храбрости так, будто мужчины сроду не видали, – и выходил приличный суточный оклад какого-нибудь пройдохи из Сити⁴⁰. Мой камбуз приносил заведению хорошую выручку с продажи алкоголя, по вечерам «Рыло» трещало от наплыва женщин всех возрастов, и хозяин дорожил мной, как священным Граалем.

Покончив с чередой новостей (в «Золотой гусь» завезли новый дрезденский сервиз, к миссис Гринджер из «Сладостей миссис Гринджер» приехали родственники из Уэльса, у здания с часами новые часы), Агата поведала, что на прошлой неделе к ней приехала сестра из Лииша⁴¹.

Адам воспринял эту новость с видом учёного, ещё вчера совершившего подобное открытие. Я же о наличии сестры слышал впервые.

– Проста, как вороника⁴² весной, – делилась Агата. – Я предложила ей помочь отцу на пасеке, чтоб как-то связь между отцом и дочерью наладить, а она слова такого странного – пасека – ни разу не слышала. Не знает, сколько имбиря класть в джем, а Кассиопею она в глаза не видела, в уши не слышала!

– Она мне уже нравится, – кивал я.

воском.

³⁷ Эрнст Доусон (1867–1900) – английский писатель и поэт. Цитата «Унесённые ветром» взята из его стихотворения *Non Sum Qualis eram Bonae Sub Regno Cynarae*.

³⁸ Наёмный партнёр для танцев.

³⁹ Задница (*сленг*).

⁴⁰ Деловой район в центральном Лондоне.

⁴¹ Графство на юго-востоке центральной части Ирландии.

⁴² Ягодный стелющийся кустарник семейства вересковых.

– Безалаберная голова, как у её матери. Так отец говорит. А я охотно в это верю. Ведь отец отлично знает, где Кассиопея!

На моей физиономии проступил немой вопрос.

– Что непонятного? Шивон – моя сводная сестра! – уточнила Агата, но так, словно объясняла сапожнику, для чего в его работе этилацетат⁴³. – Она впервые решила к нам навеститься. Такая история была. Мой отец загулял с какой-то ирландкой приезжей, мне тогда четыре стукнуло. А мамы в живых уже не было. Несерьёзная интрижка, девица быстро уехала. Они оба никак не ожидали, что родится ребёнок. Папе об этом телеграммой сообщили.

– Почему она не сделала аборт? – спросил я, и меня тут же одарили взглядом, который смог бы остановить несущийся бронепоезд.

– Аборт – для слабых. Ройшн, мать Шивон, много раз под метлой женилась⁴⁴, рассказывал отец, но всегда уходила, предпочитала независимость. К трудностям ей не привыкать. Шивон у неё единственный ребёнок, и ошибок таких она больше не совершала.

– К делу, – Адам положил ладонь поверх руки Агаты.

Дочь лесника воззрилась на меня упёртым давящим взглядом.

– Я хочу, чтобы ты, Макс, занялся моей сестрой.

– Вот как? – от обрушившегося предложения я откинулся назад вместе со стулом.

Нам подали мороженое. Три шарика мне, два Агате и один – совсем уж крохотный – Адаму.

– погоди, – оторвался я от спинки стула, обращаясь теперь к белобрысому очкарику. – Это и есть мои исправительные работы? То самое задание важное?

Адам весомо, по-профессорски, взглянул.

– На тебя непохоже, – покосился я. – Всё равно что лечить от пьянства алкоголем. В чём же мораль?

– А мораль, – каким-то внезапно жёстким голосом изрекла Агата, – в том, что моя сестра совершенно не искушена.

– А при чём здесь я?

– Дослушай. Их дом в Ирландии окружён пастбищами. Только вчера утром Шивон делилась со мной. Рассказывала, какие ей в детстве фантазии приходили, как краски в её голове рождались с утра до ночи при взгляде на бесконечные выцветшие лоскутки возделанной земли...

– Я точно должен об этом знать? – наморщил я лоб.

– Потом были книги. Они-то и стали, как считала Шивон, её окном в мир. Но ведь и в них мир не настоящий, а сплошной обман! Мечтательные сопли о бурных страстях, словом, бульварщина, собранная матерью. Мать Шивон от жизни давно устала, сгорела как спичка. Материала гореть не осталось, хотя полыхала в молодости на всю катушку.

– Это называется климакс, – заметил я. – Но мать мне определённо нравится.

Агата продолжала, не слушая мои комментарии:

– Сама жизни напилась, а дочь взрастила в четырёх стенах. Возможно, и правильно сделала, хотя Шивон известно о былом распутстве матери. На одной чаше весов пример цинизма и безнравственности, а на другой – собственные представления Шивон об идеальной жизни, преисполненной романтической чуши. Последняя чаша перевесила, как мешок гравия против перьевой подушки.

– И тебя это сильно расстроило?

Агата метнула в меня искры из бледно-голубых глаз, выглядевших огромными через сильные линзы.

---

⁴³ Химический растворитель.

⁴⁴ Женился под метлой – сожительство без брака (флам. поговорка).

– Я бы предпочла равновесие, – сказала она значительно. – Понимаешь, как глупа и неопытна моя сестра? В таком состоянии легко в кювет слететь, сбиться с пути и наломать дров.

– А я-то здесь при чём? – повторил я. – Со мной дорога как раз в кювет и обеспечена. Ведь ты же меня в Асмодеи⁴⁵ и зачислила! Уже забыла?

Агата потупила взгляд и уставилась на мороженое. Потом уже менее напористо сказала:

– Шивон здесь впервые, и я бы не хотела, чтобы кто-то её обидел.

– А почему ты считаешь, что её обязательно обидают? – Я взял хромированную вазочку с ложкой и вновь развалился на стуле.

– Она – ангел, – голос Агаты смягчился, лицо посветлело. – В незнакомом месте потеряет голову. Там хотя бы её пастбища, а здесь лес, Волчье кладбище...

– А Ирландия что, какая-то страна ангелов, что Шивон...

– Знаешь, что она сказала, когда наш лес увидела? – перебила Агата. – *«Да это же настоящий Арденнский лес!»*

– А что плохого в Шекспире? – скромно намекнул я на широту своих литературных познаний.

– Шекспира в их доме не было, – покачала головой Агата. – Шивон больна Джорджем Элиотом⁴⁶ и его пасторальными сказками о прекрасной девушке и внуке сквайра.

Я изобразил презрение, хотя знать не знал об авторе и слыхом не слыхивал историй о девицах и дворянских отпрысках.

Агату аж передёрнуло от возмущения:

– Хэтти отвергла плотника Адама с добрым сердцем ради богатого наследника Артура. И к какому ужасу привели их тайные встречи! В какой хаос погрузилась тихая деревенька!

– Ну не преувеличивай!

– Вот только невдомёк моей глупышке сестре, что за псевдонимом Джордж Элиот прячется такая же парящая в мечтаниях особь женского пола! Это благодаря её фантазиям Шивон таких страстей жаждет! Конечно, ведь Роданфорд кишит богатыми наследниками! Как только она прослышала об этом, давай писать нам, телеграфировать... И не придёт никак ей в голову – а меня вообще слышать не желает, – что в жизни это совсем иные люди, которые только секса от таких дур ищут!

– Ну, ты напраслину на нас возводишь! Ах, больно слышать! – отбивал я громы и молнии с улыбкой.

– Она от матери сбежала сюда ради этого, под предлогом повидать отца и меня. Уж я-то знаю!

Вот в это охотно верилось, ведь сама Агата пять дней в неделю среди этих самых страстей книжных отсиживалась по долгу службы.

– А мне не с кем её оставить! У отца работа, у меня работа. Шивон не по душе в библиотечной клетке весь день околачиваться, в доме её не запрёшь. Что мне с ней делать?

Я поёрзал на стуле, слизывая фисташковый сироп с ложечки.

– Значит, ей сейчас семнадцать, – рассудительно вычислил я.

Агата заметно поднапряглась.

– Какая разница? – бросила она с подозрением.

– Да никакой, – сказал я, запустив пятерню в подсохший стог густых своих волос.

– Макс, конечно, ею займётся. – Адам вновь положил ладонь на руку Агаты и пронзил меня ледяным взглядом.

Я ухмыльнулся и спросил:

---

⁴⁵ В религиозной еврейской литературе – сластолюбивый демон-искуситель, убивший одного за другим семерых мужей Сарры.

⁴⁶ Псевдоним английской писательницы Мэри Энн Эванс (1819–1880). Речь идёт о её романе «Адам Бид» (1859).

– А выглядит она... ну... по-ирландски?

Агата по-учительски поправила очки.

– Нечего себе фантазировать!

– Да тут для фантазии и места не остаётся. – Я имел в виду, конечно, предательски искреннее платье по левую мою руку.

Слизнув ещё ложку мороженого, я спросил:

– Так ей не дружок, а телохранитель нужен?

Агата с неясными мыслями принялась изучать моё лицо, словно ей что-то новое в нём почудилось.

– Пожалуй, так будет вернее, – наконец выдала она.

Затем, оттаяв, взялась за ножку вазочки двумя руками. Проигнорировав десертный столовый прибор, Агата впилась рыбьими губами в ванильный шарик, громко всасывая его. Я замер с ложкой во рту и, наблюдая за картиной, подумал, что в свои двадцать два Жозефина Мутценбахер⁴⁷ выглядела бы именно так.

Я перевёл недвусмысленный взгляд на Адама. Нет, его сие действие не волновало, как и искренний штапель, как и плечи. Его хмурость говорила: *«Макс, нам надо серьёзно обсудить твоё несерьёзное отношение к делу»*.

– Сколько она здесь пробудет?

– Ох, надеюсь, недолго.

– Значит, я должен оберегать малышку от коварного внука местного сквайра, – кивал я. – Что ж, это забавно!

– Ничего забавного здесь нет. А главное – не подпускай её к лесу. До обеда я с ней повожусь, пока у вас занятия, а после – ваш выход, юноша.

– Говоришь так, будто в Волчьем кладбище нашем и впрямь волки.

Адам, безучастно ковырявший мороженое, вновь сдвинул брови и косо на меня посмотрел.

– Там кое-что поопаснее водится, – заметила Агата.

– А я сегодня полдня чертополох выкапывал, – с ухмылкой ляпнул я.

Агата покивала, потягивая растаявшее мороженое из вазочки.

– Ещё с утра вся деревня слышала о ваших подвигах.

Меня вдруг посетила мысль, что соски Агаты вовсе не соблазнять вышли, а были каким-то образом связаны с расторопшей. Молоко Девы Марии, все дела. Возможно, так Агата безмолвно выражала своё согласие с сегодняшними словами и действиями Адама. Возможно, её голая грудь – как эмблема Шотландии, гордо носящая образ чертополоха на своём знамени.

– Послушай, кисонька, но ведь я тоже сын богатого сквайра. Что ж ты вдруг решила в мои лапы хищные такое сокровище отдать?

Агата взглянула на меня с укором. «Сокровище» я нарочито произнёс с иронией, представив себе Шивон – то, как она обидно похожа на сводную сестру, а соответственно, и на их общего отца, мистера Диксона, нашего лесника. Тот так смачно умел сморкаться прямо на ходу, что сопли полдня на бороде его болтались и сохли. Ещё от него луком несло хронически. В остальном вроде обычным мужиком был.

– Если бы не рекомендации Адама, в жизни бы не доверила, – отрезала Агата, а затем добавила, но уже теплее: – Адам говорит, у тебя доброе сердце.

Я чуть не подавился:

– Как у плотника Адама из этой твоей сельской истории? Ну всё понятно! Хотите изменить концовку книжки в реальности!

---

⁴⁷ Героиня эротического романа «Жозефина Мутценбахер – История жизни венской проститутки, рассказанная ею самой» австро-венгерского писателя Феликса Зальтена (1869–1945).

Я повеселел, хотя ни намёка на ответную улыбку в свой адрес не получил. Только тяжкое молчание.

– Ладно, это меняет дело, – твёрдо признал я, отставив полупустую вазочку. – И, однако, барышня, ты ищешь не любовь сестре, а бездушно предлагаешь мне неоплачиваемую должность преторианца⁴⁸.

Агата вспыхнула, как её любимая Эта Киля⁴⁹:

– Да я готова заплатить!

Я расхохотался. Агата решила подсунуть мне чаевых, как те дамы с проворными ручонками с танцев, лишь бы сестру с плеч своих сбросить на кого покрепче. Но суть-то не в этом.

Обычно, если в настроении, я общаюсь с одной из барышень после того, как отработаю свои часы в «Рыле». На объятия и прочее мне времени не жалко. А гулять без толку, охранять и разговоры всякие вести мне некогда. Вот что я имел в виду.

– Да не в этом дело... – забормотал я.

– В сиропе много воды, вам не кажется? – оборвал меня Адам, глядя на входную дверь.

---

⁴⁸ Личный телохранитель императоров Римской империи.

⁴⁹ Двойная звезда-гипергигант в созвездии Киля.

Глава 7

Явление Шивон

Мы разом обернулись. К нашему столику стремительно направлялся явно неизученный объект. Вот теперь я хотя бы имел понятие, из-за чего сыр-бор.

Агата представила Шивон с наигранным каким-то недовольством. Мы привстали, я подтянул ещё один стул. Шивон опустилась на него, поблагодарив.

– Ты пришла на полчаса раньше, – возмутилась Агата.

Шивон покачала головой. Льяная река волос, стекавшая на узкие плечи, колыхнулась глянцевым отливом.

– Я носила обед папе, – на тонких морковного цвета губах блеснула улыбка.

– Ходила через весь этот ужасный лес? Я же предупреждала, Шивон, это слишком опасно!

– Да вовсе нет! – журчал голосок Шивон. – Кленовый лес не бывает опасным.

– Это почему? – спросил я.

Даже нам, крутым ребятам, устраивающим оргии на Волчьем кладбище, бывает порой жутковато в этом лесу. Того и гляди из-за деревьев выйдет в одеждах из тумана одна из погибших душ, чтоб потребовать ответа за загубленную жизнь.

– Много воздуха, – сияла Шивон. – Стволы клёна тонкие, а его листва в мае – изумрудно-лимонная, из-за солнца. Лес просвечивается насквозь. Вы не замечали?

– А... мм... – утвердительно кивал я, вскользь изучая предмет глазами.

Я знал только одну ирландку – печальную Дейдре⁵⁰. Не раз меня в кошмарах навещала. Она ведь увидела на снегу кровь телёнка и ворона, клюющего эту самую кровь, и заявила, что любить будет только юношу с волосами чёрными, как ворон, телом, как снег, белым, и щеками, как кровь телёнка, алыми. Я боялся, потому что у меня с детства густые смоляные волосы, белая кожа и румянец временами, когда поймают на горячем, так сказать, *in flagrante*⁵¹. Всё ждал, когда эта капризная барышня ко мне наведается. Потом подрос и стал сам таких малышек ловить.

Шивон не подходила под моё виденье ирландской породы – этих лесных дев с огненной волной струящихся кудрей в духе Боттичелли и в длинных своих сарафанах. Глаза ей от отца достались – туманно-голубые. У Диксона они, правда, к этому времени от возраста и алкоголя уже просто мутными стали. На этом схожесть с Агатой кончалась, к счастью для Шивон. Но и не сказать, что красавица. Глаза не были большими настолько, чтобы их воспевать. По-мальчишечьи худое лицо без намёка на скулы не было выразительным. Плечи, открытые, в бледности и в россыпи веснушек, выдавали неспелость, какую-то зелёность. Хотя и не скрою, было интересно представлять, сколько ещё бледности и веснушек хранилось в тайне под клетчатым платьем из мягкого серо-голубого хлопка. Только вот волосы – зрелый лён – с ходу брали за живое. Однако их чары, как случайный ветер в штить, исчезали быстро, не оставляя о себе воспоминания.

Агата отлучилась в уборную, когда Шивон принялась живо делиться впечатлениями от местных красот. Не каждый день встречаешь человека, до любых мелочей жадного, будь то новые слова, лица, ощущения. В открытом взгляде Шивон лучилось весеннее золото, как из прогалины неба среди туч. Я представил её рядом с солнечным Питером, и аж в зубах заныло от такой приторности.

---

⁵⁰ Персонаж ирландской мифологии.

⁵¹ С поличным; *ирон.* во время сексуального акта (*лат.*).

Шивон без устали ласкала наш слух будничными пустяками, а я доскребал ложечкой растаявший последний шарик, исподволь пялясь на интересующие меня области её тела.

Фигура мне нравилась. Высокая, длинные ноги, как у антилопы. Что грудь маленькая, даже хорошо, природа обошлась заботливо с тонким, как стебель, станом.

– А к вам пускают гостей? – спросила вдруг Шивон, перескочив с истории о потерянном сегодня утром кошельке.

– О, это исключено, – не дала нам слова Агата, ураганом вновь ввинтившись за столик.

Я сразу обратил внимание на возникший под платьем бюстгальтер. Ух ты, какая забота о младшей сестре!

– Роданфорд – закрытое место, – подчеркнула Агата.

– Очень жаль, я бы хотела посмотреть здание. Ты говорила, семнадцатый век?

– О, нет, восемнадцатый, – охладила сестрин пыл Агата. – Но его обитатели переживают постпубертатный период: гиперфункцию гипоталамо-гипофизарной системы и разгул тестостерона, – она ехидно покосилась в мою сторону.

– Нет ничего проще. Можно осмотреть здание ночью, – поддразнил я Агату.

Она впилась в меня рассерженным взглядом.

– Лес не без шакалов.

Я закатил глаза, оттопырив языком щёку.

– Закончим пустые разговоры. Мы здорово припозднились, – подытожила Агата, не обратив внимания на мою гримасу.

– Да, – оживился Адам.

Он подозвал официантку.

Я нашарил кое-что в кармане, когда потянулся за деньгами.

– Ты знаешь, что это? – я хлопнул ладонью по столу; рядом с двумя бобами⁵² оказался коробок с нарисованным павлином.

Реакция тех двоих была предсказуема, но я следил за лицом Шивон. Она прочла надпись на картонке – «Павлины с резервуарами на концах» и улыбнулась без всякого смущения.

– Я же не в лесу выросла, – сказала она, глядя на меня. – Благодаря этим штукам я родилась!

Шивон засмеялась, Агата прямо-таки вскипела.

– Извини, но это так смешно! Мне мама рассказывала. – Шивон переводила искрящийся взгляд с меня на Адама. – Когда моя мама и наш папа встречались, Агате было четыре или пять лет. И однажды, когда мама гостила у папы, Агата решила примерить шляпку моей мамы, и там, под лентой, она обнаружила хранившиеся презервативы...

Два божьих одуванчика за соседним столом в ужасе напряглись и уставились в нашу сторону. Я приветливо кивнул им:

– Добрый день, леди!

Они отвернулись.

– Мама всегда такой чудной, экстремальной была, – весело продолжила Шивон. – А Агата не знала, что это за штуки, думала, что воздушные шары для праздника – у папы как раз день рождения должен был быть. Агата не хотела, чтобы эта тётя оставалась на праздник и дарила шары папе. Она взяла и проткнула их иголкой! Вот так я и родилась!

Я хохотал так, что чуть со стула не упал. Адам смеялся втихомолку, а вот Агате хотелось испариться от смущения. Звонкий смех Шивон и мой гогот вновь привлекли почтенное внимание со стороны. Нам было не до приличий.

– Так и знал! Все толки о наивности и хрупкости... Ваша неискренность, мадемуазель... – обращался я к Агате.

---

⁵² Боб – шиллинг (сленг).

– Так, мне надоело это слушать! Мы идём или нет? – потребовала Агата.

Я повернулся к Шивон, моей первой в жизни ирландке. Надо было как-то отметить это важное событие.

– Ну, надежды на тебя как на чертовски хорошего игрока в пул никакой, да?

– Играю теоретически, – сказала она.

Затем добавила:

– Пока что вся моя жизнь – одна сплошная теория.

– От теории к практике, – подмигнул я Агате.

А у выхода из кафе, чтобы поддразнить ещё чуток, я произнёс негромко Агате на ухо:

– Ты отбираешь у меня честь и достоинство быть собой.

В ответном взгляде смертоносно блеснула сталь. А меня ещё больше улыбаться тянуло. Ведь я действительно сказал эту неправду забавы ради: Шивон была совсем не в моём вкусе, вся её ангельская чистота не для меня. Возможно, это пора у меня такая, когда невинность не берёт за душу. Меня не трогала весна, не горела она во мне, не вспыхивала. Я сам был огнём, горел и поджигал других круглый год, а это совершенно другое.

Я видел, что нравлюсь Шивон и то, с каким щенячьим нетерпением ей хотелось приступить к изучению мира. Всеми возможными способами – действиями, интонациями, взглядами. А я деликатно, насколько мог, давал понять, что не готов брать такой щедрый подарок. Юные девы порой обидчивы до трагедии.

Не то чтобы я какой-то там благородный тип. Тошнит от подобной мысли, если честно. Всё дело в моём жадном воображении – оно мне мешает. Рисует то, что, как правило, встречается редко. Смею винить в этом своего школьного тренера. Он говорил: должна быть задача. Забивать в пустые ворота – это не даёт радости победы. Вот с такой вставленной в мой мозг философией мне и приходится жить. Всегда хочется справиться с ЗАДАЧЕЙ, только попадись она мне. Объездить, приручить, сломить дикий нрав или, как в регби, отвоевать себе пространство для развития атаки.

В дедовы времена людей моего типа звали джентльменами спортивного склада. Агата же брезгливо звала мне подобных «работниками». Пусть оно так, но это одностороннее утверждение. Вы должны иметь сильное желание, чтобы ловко играть в регби, необходимы тренировки, но что важнее – самоотдача. То же самое здесь. Вы вправе объявлять охоту на слабый пол, если вам самому есть что предложить. Воспоминание, о котором они не пожалеют. Получать, только если даришь сам. Отец Лерри, уверен, оценил бы эту мысль.

Глава 8

Состязания в «Свином рыле»

В «Свином рыле» мы сели за барную стойку и заказали по шипучке. За двумя прямоугольными столами, покрытыми выцветшим сукном, шла борьба: Питер и Робин за одним, Тео и Гарри – за другим. Против них стояли не на жизнь, а на смерть четыре нерда⁵³. Похоже, дела у последних неплохо шли. Тео без конца клял то кий, то Гарри, то ботанов. Гарри заметно нервничал. Я сменил Робина. По привычке распустил хвост, демонстрируя, на что павлин мой был способен. Шивон аплодировала каждому забитому мной шару.

В один из таких моментов к ней подвалил Тео.

– Неплохо наш Макс бьёт, да?

Шивон улыбнулась. Агата забеспокоилась, как наседка, пытающаяся укрыть собой выбившееся из-под неё яйцо.

– Все шары его боятся. Да, Карлсен?

Адам мрачно кивнул.

– Макс прекрасно играет, – сказала Агата. – Но, похоже, ваш корабль тонет.

На доске отмечались сыгранные партии, ботаники шли хорошо впереди.

– Теофил. Как могу обращаться? – Тео протянул руку.

– Шивон.

– Ирландка? Ну да, конечно, – заулыбался Тео. – У местных жаб такие волосы только на бороде растут!

Шивон открыла рот, но лишь воздухухватила. Неловкую паузу нарушил возглас Адама:

– Восьмёрка!

Мы с Питером выиграли партию.

– Это моя сестра, – отчеканила Агата с недовольным видом.

Тео изобразил удивление. Желание уколоть Агату оказалось сильнее желания понравиться.

– Адам, мы хотим ещё шипучки, – сказала Агата, ничуть не обидевшись.

Тео отошёл бить в свою очередь. Адам заказал нам ещё по банке газировки. Гарри вновь мазал.

– Карлсен, чего сидишь. Возьми у Гарри палку.

Адам составил пару Тео, Гарри отошёл к стене, хмуро скрестив на груди руки, похожие на покрытые шерстью кегли. К концу мы с Питером свели партию вничью, Тео и Адам с треском проигрывали. На очередном промахе Тео стрельнул у меня сигарету и двинул на улицу. Дымить в баре не возбранялось, но мы понимали, как сильно Тео был взбешён. У него, как и у отца, эмоции всегда на лицо лезли.

Я чувствовал – вот-вот должно грянуть.

– Уведём барышень. Идиотская была затея. Додиков не догнать.

– Нужно закончить, – парировал Адам.

Он долго прицеливался, но так и не отправил шар в лузу.

Я пожал плечами и прошёл к стойке расплатиться. Ясно, что Адаму не с руки было перед Агатой завершать матч позором.

Дверь в бар резко распахнулась.

– Шивон!

Присутствующие с живостью обернулись.

---

⁵³ Нерд (англ. nerd – зануда, «ботаник»).

– Знакомься с моим лучшим другом!

Хваткие руки Тео тащили к нам за плечи перепуганное существо – Джо. Бедолага был бледен, как привидение, в руках он сжимал почтовую открытку. Тео с сигаретой в зубах довольно скалился и дымил ему в лицо.

– Стою, и тут в меня мочалит лучший роданфордовский «свингер» всех времён. Вот это скорость, говорю себе! – Левая рука Тео заарканила тонкую шею Джо и притянула к себе. – Я ж отойти хотел, пропустить, да случайно ногу вытянул. Не ушибся, брат?

Под взлохмаченным чубом Джо я заметил алую струйку – следствие встречи с землёй, и сказал:

– Оставь его в покое.

Тео изобразил саму невинность.

– Кто ж его, собаку, держит? Сам взял да набрался наглости просить меня, раз у бара при- тормозил, угостить его чем-нибудь. А что с прекрасными леди, спрашивает. Надоели англичанки, сплошные брёвна! Говорит, вот бы, брат, за ирландскую лигу разок сыграть. Дружище, говорю, за чем же дело стало! – Тео хлопнул доходягу Джо по спине, и тот выпал на шаг вперёд. – Знакомься – Шивон, сестра красотки Агаты!

Джо воткнулся в пол, как штырь, сжимая открытку у груди.

Шивон эта встреча не обескуражила. Наоборот, нечто необычное ей было интересно. Тревога Агаты постепенно материализовалась, облекалась в плоть и кровь внука местного сквайра в образе Тео. Мне стало яснее её смятение, когда разгадал выразительный язык тела Шивон. Взгляд, позу, наклон корпуса. Пубертатный период настаивал на завершении. Польском или сассекском, как масть ляжет.

Я заметил, как Тео просемафорил Гарри, и тот медленно двинулся с места.

– Отец Джо из консерваторов, но Джо у нас бунтарь! Только взгляните на зубы, дамы!

Жёсткие пальцы подошедшего Гарри сдавили щёки Джо, и нашим взорам предстал ряд стиснутых серых клавиш.

– Палец в рот не клади!

Тео достал изо рта сигарету.

– Скажи-ка «ам»!

– Я не курю, – пытался вырваться Джо.

– Не глупи, это не в твоём стиле. Так как насчёт свидания, юная леди?

Шивон улыбнулась.

– Я не готова так сразу...

– Чего удумал! – рявкнула Агата.

Тео раздосадованно покачал головой.

– Нельзя так разговаривать с Джо. Это опасно. Вы знаете, какой он дерзкий тип, а? Знаешь, Гарри?

– Ещё бы, – протянул Гарри. – Джо – тихоня, но знаете, как говорят, в тихом омуте...

Так вот Джо – тихий наш могильщик...

– Мне нужно идти, – Джо дёрнулся, но с боков его уже плотно поджимали Тео и Гарри.

– Не стыдно тебе, червь паршивый, так вести себя перед девушкой!

– Оставь его в покое, – повторил я.

Тео вылупился на меня.

– А ты не переживай так, Гарфилд. Джо у нас сам о себе позаботится. Джо у нас мужчина. Слышали, леди? – Он трижды хлопнул Джо по щеке. – Подумай, Шивон, ты не знаешь, от чего отказываешься.

И тут прогремел медный бас Гарри:

– К счастью, мы можем тебе показать!

Тео обхватил Джо сзади, обездвижив. От одного взмаха огромной руки верзилы Гарри с брюк Джо отлетели пуговицы, а затем слетели вниз сами брюки.

Ботаники позади первыми взорвались смехом.

– Бычий член! – прокомментировал Питер, сдерживая хохот.

Он был прав: ни волоска, гады, не оставили. Джо походил на вылупившегося пару дней назад птенца. Он брыкался, но был слишком слаб. На щеках Шивон вспыхнул румянец. Меня, как и всех, пробирало, но я честно старался не заржать. Паршивый временами я товарищ, но, клянусь, ситуация была сильнее меня.

Агата отличилась: открыла рот и даже привстала, чтобы лучше разглядеть. Поправила очки, нахмурилась, словно изучала объект с научной целью.

– Ох, извини, Шивон, мы не знали, что наш Казанова окажется самозванцем! – паясничал Тео сквозь хохот.

Джо плакал.

– Ну-ка надень штаны, парень! – послышался голос хозяина бара. – В стороны, олигофрены!

Тео неохотно отпустил Джо. Тот подобрал штаны, выронив открытку, и бросился прочь из «Свиного рыла».

Хозяин подошёл к Тео.

– Чтоб я тебя больше здесь не видел. Усёк?

Тео ухмылялся, его бесстыжая физиономия напрашивалась на хук. Он-то усёк, он в этом деле собаку съел. Кто вспомнит про матч и поражение, когда на щите отсюда вынесут лишь имя Теофила Кочински, который вновь перетянул на себя внимание.

Гарри поднял открытку.

– Ха, здесь какой-то мостик через речку.

Тео выхватил карточку.

– Как мило! Это Тауэрский мост, debil!

Он перевернул снимок и приподнял брови:

– Только послушайте: «Над всей Флитской тюрьмой безоблачное небо». Ну, дела! Джо ведёт любовную переписку с арестанткой!

Тео покатился со смеху, Гарри услужливо подхватил. Открытку со странной фразой Тео швырнул в мусорное ведро.

В дверях, выходя из бара, он обернулся и глянул на Шивон:

– Захочешь посмотреть, как выглядит настоящий мужчина, я всегда рядом.

Он удалился, вслед за ним вышел Гарри.

Глава 9

Святой Себастьян

Репетиция спектакля начиналась в шесть. Мы опоздали минут на двадцать – приводили в чувство барышень.

Наш храм Мельпомены располагался слева от университета и имел вид небольшого павильона в Георгианском стиле, стены из серого камня утопали в густо разросшемся плюще.

У порога мы притормозили, начали прислушиваться. В актовом зале против наших ожиданий царил громкий голос Поттегрю. Наш режиссёр, буйный, как правило, только при демонстрации силы драматической игры, метал по залу грома и молнии.

Мы постарались войти неслышно. На сцене парни, кто сидя, кто подпирая шекспировские декорации, слушали Поттегрю – у того слюна летела во все стороны (мы звали эту его стадию «отчиткой бесноватых»). Поттегрю жаловался, клял нас на чём свет стоит. Причиной оказался слив информации о ночных наших гуляниях в уши кого-то из муниципальной администрации. Кочински лично выслушал обвинительную речь мэра об аморальном поведении студюзовсов нашего заведения.

– Как будто это первый случай в истории!

– Нет, не первый! Не первый! – рявкнул Поттегрю. – Но и глава муниципалитета – не первый год на должности! Эта игра в приличное учебное заведение и довольный муниципалитет однажды может прекратиться!

Возмущение мэра было до того английским, что мера наказания оказалась столь же глупой, как и выходка студентов. Какой-то гений инквизиции постановил, что вместо развесёлой и сильно упрощённой адаптации «Сна в летнюю ночь» наше отличившееся заведение будет обязано представить на майской ярмарке серьёзный спектакль на религиозную тему про римского легионера и мученика святого Себастьяна. Спектакль отобрали у колледжа Святого Аугуста – тот уже всю прогонял финальные репетиции и был главным, как мы знали, конкурентом на получение заветного денежного гранта. Чего греха таить, Шекспира мы учили вполсилы и так же слабо играли. До ярмарки оставалось меньше двух недель, как и до экзаменов.

Поттегрю трепал в руках пьесу – три акта на два с чем-то часа.

– Отличились, дегенераты!

Он шлёпнул стопку листов на пол.

– Тео, неси из подсобки бумагу и карандаши.

Гарри отлип от картонного балкона, отправившись выполнять приказ, отданный Тео. И через пять минут мы, лёжа на сцене, записывали под диктовку текст, на ходу распределяя роли.

Часа через четыре по выходе из павильона Тео, спрятавшись за колонной, дождался Джо и резким движением нацепил на него ослиную голову Основы⁵⁴. Было темно, Джо испугался и вскрикнул. Высвободившись, он кинулся бежать.

Кажется, черти внутри Тео день ото дня свирепели.

В большом коридоре на первом этаже университета Секвойя драил полы. Облачённый в нечто кургузое, он всегда бубнил себе под нос, то ли пел, то ли воображал себя членом парламента и выступал с трибуны. Забавный он, мистер Секвойя. Питер здорово походил на своего старика, из обоих ключом бил свет, в обоих – неиссякаемые кладовые жизнелюбия. Такие люди – как полезные ископаемые, к ним всегда хочется быть поближе.

Волосы у Секвойи были, как у Питера, длинные, но редкие и тусклые. Словно сияние у их рода с возрастом начинает затухать.

---

⁵⁴ Основа – ткач из комедии «Сон в летнюю ночь» У. Шекспира.

Тео, проходя мимо, вырвал швабру из рук Секвойи и с размаху умудрился закинуть её на люстру. Парни заржали.

– Говнюк малолетний! – взорвался Секвойя.

В ответ Тео потряс рукой в паху.

– За *это* вы в Роданфорде держитесь, голь перекатная! – крикнул он.

Через миг они с Гарри исчезли в шумной гурьбе на лестничном пролёте.

О чём я говорил, когда предлагал Тео влюбиться?

Секвойя схватился за лысеющую голову, глядя на застрявшую в массивных лосиных рогах деревянную палку с болтающейся на ней серой тряпкой.

Я взглянул на Питера.

– А ты, – вдруг накинулся Секвойя на сына, – не забывай, по чьей милости мы здесь! Что ты творишь, а? Я спрашиваю, что ты творишь! До экзаменов времени с гулькин нос! Тебя и меня отсюда вышвырнут вот-вот! Опомнитесь, опомнитесь, мистер! – постучал он по голове Питера.

Питер сморщился и кивнул.

– Виноват, сэр.

– Это ж надо додуматься... – Секвойя не закончил мысль, ему на голову со шлепком упала тряпка.

Мы не сдержали ухмылок. Питер помог снять ветошку, протёр ладонью отцовские залысины.

– Как новая! – сказал Питер.

– Не паясничай. Придётся за лестницей идти.

– Я принесу.

– Проваливай, – сказал Секвойя, хоть и прозвучало это с нескрываемой отцовской любовью.

– Я принесу...

– Поберегись! – крикнул Робин.

Швабра грохнулась о викторианскую плитку, прокатилось эхо.

Секвойя улыбнулся.

– Идите уже с глаз долой, не то дождётесь ещё чего-нибудь на ваши головы!

Мы двинулись. Настроение было паршивым, потому что новая пьеса оказалась удручающе скучной, пестрящей религиозными терминами. Тело приятно ныло от физической усталости. Хотелось крепкого чаю с молоком. Адам отправился в комнату, а мы с Питером и Робинотом зашли в столовую.

Лучезарному Питеру досталась роль Себастьяна-мученика и больше всего текста. Он был единственным среди нас извращенцем, кто наказанию радовался, как дурак приключению. Из него, бесспорно, вышел бы прекрасный Лизандр⁵⁵, однако против Себастьяна эта роль, конечно, была легковесна. Я уже видел, как прекрасен Себастьян Питера, как впечатляюще звучали его реплики, преисполненные обаяния, как красив он физически.

– Радует, что ярмарка – почти летом. Провинились бы зимой, яйца бы отморозил! – смеялся Питер, которому предстояло скакать по сцене в одной набедренной повязке.

– Это объясняет, почему у Святого Аугуста эта пьеса в мае, а не в католическом январе ставится, – подхватил Робин.

Выпавшая роль монаха шла ему не меньше, чем Питеру роль Себастьяна.

Робин – тёмная лошадка. Внешне вроде бы без отличий каких-то – две руки, две ноги, простоватое лицо, которое вы уже где-то видели, тёмно-русые волосы, до шести футов недостаёт какой-то пары дюймов. Но непрост Робин, ох непрост!

---

⁵⁵ Герой пьесы «Сон в летнюю ночь» У. Шекспира.

В карманах у Роба всегда водились сигареты: в одном – «Робин» с птицей на пачке, в другом – сплошной импорт, вроде «Мальборо» или «Джорджа Карелиса». Когда у него стреляли сигареты, он давал местные. Сам курил из другого кармана.

Невозможно сказать, в чём именно заключалась его таинственность. Он дружелюбен и активен, но с ним ощущаешь какую-то недосказанность, словно концы его фраз в воду опущены. Ты их слышишь целиком и, однако, понимаешь, что сказать Робин мог бы ещё много чего. И главное, обвинить его в умалчивании невозможно, он же никому ничего не должен. Он знает границы, и, возможно, он просто аккуратный человек, вроде моего отца. А в рясе так вообще вылитый монах ордена кармелитов. Вот ему бы на моё место. Мой старик на радостях с ума бы сошёл от такого сына.

Мы ещё какое-то время смеялись, из головы постепенно выгонялись дурные мысли. Посовали пальцы в чай ботаников (обычно мы таким образом отнимали компот друг у друга), затем разбрелись по комнатам.

Оставшийся вечер мы с Адамом учили реплики. Он играл юношу, благословившего Себастьяна, я – Маркеллина, одного из двух братьев, осуждённых за исповедование христианства. Мои попытки убедить Поттегрю, что я атеист, были обречены на провал. Поттегрю был не в том настроении.

В дверь постучали.

– Войдите! – крикнул Адам.

Стучавший долго возился с непослушной дверью.

– Свинья открывает затычку, – промямлил я, не отрываясь от текста.

Во всём крыле нашем стучались только двое – Адам и Мэтью.

Когда дверь, наконец, приоткрылась, в проём вынырнула розовая поросычья морда.

– Ребят, вы что учите?

Я глянул поверх листов.

– Как потрошить свинью, – говорю.

Мэтью поправил очки, прищурился.

– А зачем вам это?

– Да хотим на вертеле зажарить. В лесу. Пойдёшь с нами?

– Ой, не знаю, – сказал Мэтью, потешно хмурясь.

– Потому что, если ты не пойдёшь, то нам и смысла нет идти, – сказал я холодно.

Мэтью поморщил лоб.

– Ну не знаю, – прохрюкал он. – А можно вопрос?

– Валяй.

– Вам мой учебник по Ранней республике⁵⁶ не попадался?

Я закатил глаза и вернулся к тексту.

– Нет, – ответил Адам.

– Понял, спасибо.

– Посеял где-то?

Мэтью замаялся, по дрожащим его щекам всё понятно стало.

– Тео с Гарри? – ухмыльнулся я.

– Ага, – кивнул хрюшка. – В коридоре отняли.

– Ну, ищи на дереве, значит. Или в унитазе, – говорю.

– Ну, я надеялся, что они его просто к кому-то закинули.

– Ну, к нам, как видишь, не закидывали.

– Да, ясно, – протянул Мэтью, почему-то не уходя и назойливо мусоля дверную ручку.

– Слушай, потрогай дверь с той стороны, – кинул я.

---

⁵⁶ Ранняя республика Древнего Рима (509–287 годы до н. э.).

– А с ботинками на кровать нельзя, – оживился хрюшка. Жирные щёки вновь затряслись, теперь от неведомого нам удовольствия.

Я снял ботинок и запустил им в рыжую башку, не успевшую спрятаться.

– Ну, больно же!

– Будет больнее, если не уберёшься.

Мэтью ретировался. В приоткрытую дверь слышалось, как он стучал в другие комнаты с тем же вопросом и как летели ему вслед ботинки.

На очередном листе меня сморило. Я швырнул текст на пол и еле успел снять второй ботинок, как меня вырубил.

Я не сразу заметил отсутствие почтенного Тео следующим утром, только когда учитель истории поинтересовался этим вопросом у Гарри. Чудище пожимало плечами. Это был плохой знак.

До тренировки оставалось два часа, так что я мог хотя бы притвориться, что как-то занимаюсь Шивон. В конце концов, я был должен Адаму за вчерашнее спасение. Агата, поджидавшая на библиотечном крыльце с видом прокисшего салата, с ходу раскусила моё ребячество.

– Шивон для тебя пропала. Можешь о ней забыть.

– Разве? Ещё вчера ты меня покупала.

– Считай, что сделка не состоялась.

– Тогда мне следует вернуть аванс. Обед за мой счёт.

Агата драматично хмурилась.

– Брось, вчера мы не так уж чтобы много времени провели вместе. Нельзя узнать человека, не отобедав с ним.

Врал я паршиво.

– Когда бог создавал время, он создал его достаточно. Так у них в Ирландии говорят, – изрек Агата и тяжело вздохнула. – Этой лисоньке вчера всего хватило.

– Подсунула сестре другого? Преклоняюсь перед вашим проворством, миссис Беннет⁵⁷!

– Я в бешенстве! Глядите, блузку задом наперёд надела, так летела за ними!

Летела, да не на пределе – вон, бюстгальтер-то успела нацепить.

– И? – говорю. – Догнала?

– Да куда там! Он в такую рань явился, врасплох застал! Пригласил на прогулку Шивон, а я не готова была, понимаете? Нужно было волосы причесать, божью тварь покормить. Шивон, узнала я, не расчёсывает волосы гребнем. Выпорхнула с этим хлюстом растрёпанная, как мотылёк на пламя. Я их искала везде!

– И в лесу?

Агата покачала головой.

– Я её предупреждала – в лес ни ногой!

– Ну, так она и пошла туда, где ты нашаривать не станешь.

– Не слушай его, – сказал Адам с привычной своей флегмой. – Эти паломники всегда нам портили жизни.

– А как же поэты и «безумству храбрых...» и всё такое прочее? Да если бы не мы, вам, грамотеям, не из чего библиотеки собирать было бы.

– О каком безумстве ты говоришь, Макс? Ей Тео, помнишь, чего наобещал? – вскипела Агата. – Я говорила, она не искушена. Поверила первому в жизни проходимцу!

– Иллюзии и надежды твоей сестры рано или поздно обратятся в дым. Не Тео, так будет ещё кто-то. Я считаю, обжигаться нужно, и чем раньше, тем лучше. Режь пуповину.

---

⁵⁷ Персонаж романа английской писательницы Джейн Остин (1775–1817) «Гордость и предубеждение» (опубликован в 1813 г.). Миссис Беннет отчаянно стремится выдать замуж своих пятерых дочерей.

– Нужно. Только побег всё ещё на твоей совести, – уличил меня Адам в побеге свиней в посев.

Два часа спустя я вернулся в Роданфорд с поганым настроением и пустотой в желудке, убедившись, что искать в лесу молодую пару – глупость не меньшая, чем пытаться помочиться на луну. В начале второго тайма, когда ботаники безуспешно развивали down the middle⁵⁸, к нам присоединился Тео. Перекинулся парой слов с Гарри, тот довольно оскалился. Мне всё это не нравилось.

В душевой после игры не нравится стало сильнее. Тео принимал ставки по фунту.

– А деньги, – объявил он, – пойдут на благотворительность. Моему другу Джо я куплю здоровенный кусок сала – пятки мазать!

Шелест воды разбавлялся привычным гоготом.

Я спросил у Питера, на что спорили.

– Что до выходных ваша подруга ирландская к Тео в койку прыгнет.

– Мм... Вон оно что.

– Я боб дал, что не прыгнет, – улыбнулся Питер.

– Очень благородно с твоей стороны.

Добравшись до вещей, я достал из кармана брюк коробочку с павлином и подошёл к Тео.

– Держи. Вместо фунта.

Тео взглянул на упаковку.

– Тотализатор только деньги принимает.

– Не хочу потом брать твои деньги. Просто вернёшь резину в понедельник, – говорю. – За ненадобностью.

Кто-то из парней свистнул.

Мы сверлили друг друга глазами, у обоих с лохм капала вода. Тео держался напряжённо с дебильной своей ухмылкой, но в итоге расслабился.

– Гарфилд, с тобой шутки плохи. Давай своих павлинов.

Я сунул коробок в шакалю пятерню и сказал:

– Вначале дорасти до них.

Улыбка на лице Тео сменилась гримасой ненависти. Сыпались комментарии под общее гиканье. С окаменевшим лицом я вернулся к своему шкафчику.

Репетиция спектакля была уже через полчаса. Перед павильоном Поттегрю, натужно кряхтя, тащил здоровенную торбу на спине.

– В долг от колледжа Святого Аугуста, – пояснил он. – Костюмы, реквизит. Спасибо Дарту, что договорился. Теперь хоть с этим мороки не будет. Грузчик свалил пакеты прямо на гравий перед воротами, улетел, даже не предложив помощь. Сгоняйте, а то чувствую, в спине скоро грыжа появится.

Мы помогли с переноской в несколько заходов.

Пакеты мы вывернули прямо на сцену. Среди кучи тряпья – картонные доспехи для армии императора Диоклетиана, туники для бедуинов, рясы для монахов, ковры и простыни для антуража. Всё это мы развесили на вешалках, затем улеглись на расстеленные ковры, чтобы повторять текст.

Святой Аугуст, то есть, конечно, колледж его имени, похоже, относился к делу куда более детально, чем мы.

В процессе обнаружилось, что Себастьяна не к чему привязывать.

– Нужен столб.

– Столба нет.

– Можно к шекспировской колонне примотать.

---

⁵⁸ Одна из тактик в регби.

Её ещё не убрали, как и остальное от «Сна в летнюю ночь».

– В идеале, конечно бы, дерево, – хмурился Поттегрю. – Но у нас нет времени его соорудить.

– Может, крест? – предложил монах Робин.

– Крест?

– Для распятия. Будет драматично.

– Меня не распяли, забыл? – сказал Питер.

– Это идея, – согласился Поттегрю. – Можно поискать старый крест в церкви.

Прогнав чудовищно замороченный текст, мы стали примерять костюмы.

– Нелепость театра в том, что, в отличие от книг, он не оставляет ничего воображению, – слова правды, озвученные на днях Агатой, барышней в искреннем платье без нижнего белья.

Тео органично влился в образ злодея, парадное императорское платье в золотых узорах как нельзя лучше подходило его величеству. Ещё убедительнее смотрелся мученик Питер в одной повязке на бёдрах. Глядя на здоровый цвет его кожи и сияющий взгляд, казалось, будто смотришь на одну из тех картин, где святых изображают с акцентированным золотым свечением.

Адамова внешность всегда сулила надвигающиеся поучения, так что его костюм проповедника здесь ни при чём.

Не знаю, с кем ассоциировался мой герой. В напыленных лохмотьях я, должно быть, немногим от массовой отличался. Даже сказал бы, что мою индивидуальность этим отрепьем злостно украли.

А если честно, вид у всех был нелепый, только Питеру его нагота шла по всем канонам, и выглядел он по-настоящему красиво, даже трогательно.

К вечеру мы все вымотались, как ломовые лошади, еле плелись и с ног валились. Усталость была ко времени, думал я, глядя на бессилие Тео. И всё же глаз я так и не сомкнул, как перед экзаменом. Было ощущение чего-то гнетущего, какой-то зябкости, словно мозги остывшей кровью наполнились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.